

Карл Шмитт

Теория партизана

промежуточное замечание по поводу
понятия политического

Посвящается
Эрнсту Форстхоффу
к 60-летнему юбилею
13 сентября 1962 года

Предисловие

Данное сочинение о Теории партизана возникло из двух лекций, которые я прочитал весной 1962 года - 15 марта в Памплоне, по приглашению Estudio General de Navarra, и 17 марта в университете Сарагосы, в рамках мероприятий Catedra Palafox, по приглашению ее директора, профессора Луиса Гарсия Ариас. Лекция напечатана в публикациях Catedra в конце 1962 года.

Подзаголовок «Промежуточное замечание по поводу понятия Политического» можно объяснить, исходя из конкретного мгновения публикации. Издательство в настоящее время готовится вновь опубликовать мой текст 1932 года. В последние десятилетия появились многочисленные следствия на данную тему. Данное сочинение не является таким следствием; это самостоятельный, пусть и эскизный труд, тема которого неизбежно выливается в проблему различения друга и врага. Таким образом, я хотел лишь представить эту разработку моих лекций весны 1962 года в непритязательной форме промежуточного замечания и тем самым сделать их доступными для всех тех, кто до сих пор внимательно следил за сложной дискуссией о понятии политического.

Карл Шмитт
Февраль 1963 года

Взгляд на исходное положение 1808-13 гг.

Исходным положением для наших размышлений о проблеме партизана является герилья, которую испанский народ вел в 1808 – 1813 годах против войска чужого завоевателя. В этой войне народ – добуржуазный, доиндустриальный, доконвенциональный народ – впервые столкнулся с современной, вышедшей из опыта Французской революции, хорошо организованной, регулярной армией. Благодаря этому открылись новые пространства войны, образовались новые понятия ведения войны, и возникло новое учение о войне и политике.

Партизан сражается нерегулярным образом. Но различие между регулярной и нерегулярной борьбой зависит от точности регулярного и обретает свою конкретную противоположность и тем самым также свое понятие только в современных организационных формах, которые возникают из войн Французской революции. Во все времена человечество вело войны и битвы; во все времена имелись правила ведения войны и правила ведения боя, и вследствие этого также нарушение правил и небрежение правилами. В особенности во все времена разложения, к примеру, во время Тридцатилетней войны на немецкой земле (1618-48), далее во всех гражданских войнах и во всех колониальных войнах мировой истории снова и снова обнаруживаются явления, которые можно назвать партизанскими. Только при этом следует иметь ввиду, что, для теории партизана в целом, сила и значение его нерегулярности определяется силой и значением партизаном под вопрос поставленного регулярного. Именно это Регулярное государства как и Регулярное армии обретает как во французском государстве, так и во французской армии благодаря Наполеону новую, точную определенность. Бесчисленные войны белых завоевателей против американских индейцев с 17 по 19 века, впрочем, как и методы Riflemen (стрелков) во время американской войны за независимость против регулярной английской армии (1774-83) и гражданская война в Вандее между шуанами и якобинцами (1793-96) относятся все без исключения еще к до-наполеоновской стадии. Новое военное искусство регулярных армий Наполеона возникло из нового, революционного способа ведения боевых действий. Одному прусскому офицеру того времени вся кампания Наполеона 1806 года против Пруссии представлялось лишь как «Одно большое политиканство».

Партизан испанской герильи 1808 года был первым, кто отважился нерегулярно бороться против первых современных регулярных армий. Наполеон осенью 1808 года разгромил регулярную испанскую армию; собственно испанская герилья началась только после этого поражения регулярной армии. Еще нет полной, документированной истории испанской партизанской войны. Она, как говорит Fernando Solano Costa (в своем цитированном в примечании сочинении *Los Guerrilleros*) необходима, но и очень трудна, поскольку общая испанская герилья складывалась из приблизительно 200 региональных маленьких войн в Астурии, Арагонии, Каталании, Наварре, Кастилии и т.д., под руководством многочисленных борцов, чьи имена окутаны множеством мифов и легенд, среди них Juan Martin Diez, который как *Empecinado* стал ужасом для французов и сделал дорогу из Мадрида в Сарагоссу ненадежной. Эта партизанская война велась обеими сторонами с самой ужасной жестокостью, и не вызывает удивления то, что много текстов

друзей французов напечатаны как труды сторонников герильи. Однако как бы ни соотносились миф и легенда, с одной стороны, и документированная история, с другой, - линии нашего исходного положения в любом случае ясны. Согласно Клаузевицу часто половина общей французской военной силы находилась в Испании и половина ее, а именно 250-260 000 человек, были втянуты в герилью; их число оценивается Gomez de Arteché в 50 000, другие предлагают гораздо меньшие цифры.

Ситуация испанского партизана 1808 года характеризуется прежде всего тем, что он отваживался на борьбу на своей небольшой родной почве, в то время как его король и семья короля еще точно не знали, кто же был настоящим врагом. В этом отношении легитимная власть вела себя тогда в Испании не иначе, чем в Германии. Кроме того, высшее духовенство и буржуазия повсюду были *afrancesados* (друзья французов), то есть ситуация в Испании характеризуется тем, что образованные слои аристократии симпатизировали чужому завоевателю. И в этом отношении выявляются параллели с Германией, где великий немецкий поэт Гете создавал гимны во славу Наполеона, и где немецкое образование никогда окончательно не уяснило для себя, на чьей же оно стороне. В Испании *Guerrillero* осмеливался на безнадежную борьбу, бедняга, первый типичный случай нерегулярного пушечного мяса конфликтов, имеющих политическое значение для всего мира. Все это в качестве увертюры принадлежит теории партизана.

В то время искра попала из Испании на север. Она не раздула там такой же пожар, который обеспечил испанской герилье ее всемирно-историческое значение. Но она оказала там такое воздействие, чье развитие сегодня, во второй половине 20 века, изменяет облик Земли и человечества. Она вызвала к жизни теорию войны и вражды, которая последовательно достигает апогея в теории партизана.

Сначала, в 1809 году, во время краткой войны, которую вела австрийская монархия против Наполеона, была сделана планомерная попытка подражать испанскому примеру. Австрийское правительство в Вене инсценировало с помощью знаменитых публицистов, среди которых были Фридрих Гентц и Фридрих Шлегель, национальную пропаганду против Наполеона. Были переведены на немецкий язык и распространялись испанские труды. Генрих фон Клейст поспешил сюда и продолжил после этой австрийской войны 1809 года антифранцузскую пропаганду в Берлине. В эти годы, вплоть до своей смерти в ноябре 1811 года, он стал собственно поэтом национального сопротивления чужому завоевателю. Его драма «Тевтобургская битва» (*“Die Hermannsschlacht”*) - это самое великое партизанское творение всех времен. Он также сочинил стихотворение Палафоксу (*An Palafox*), поставив защитника Сарагосы в один ряд с Леонидом, Арминием и Вильгельмом Теллем. То, что реформаторы в прусском генеральном штабе, прежде всего Гнейзенау и Шарнхорст, были глубоко потрясены испанским примером и старались в своих реорганизациях иметь его в виду, известно и ниже будет еще разбираться. В мире идей этих прусских офицеров генерального штаба 1808-1813 годов заключены также ростки книги О войне, благодаря которой имя Клаузевиц получило почти мифическое звучание. Его формула о войне как продолжении политики содержит уже в сжатом виде

теорию партизана, чья логика доведена до конца Лениным и Мао Цзэ-дуном, как будет нами показано ниже.

До настоящей герильи-народной войны, которая должна быть упомянута в связи с нашей проблемой партизана, дошло дело только в Тироле, где действовали Андреас Хофер, Шпекбахер и капуцинский священник Хаспингер. Тирольтцы стали мощным факелом, как выразился Клаузевиц. Впрочем, эта эпоха 1809 года быстро окончилась. И в остальных областях Германии дело не дошло до партизанской войны против французов.

Сильный национальный импульс, обнаруживающийся в отдельных мятежах и партизанских отрядах, очень быстро и без остатка вылился в пути регулярной войны. Битвы весны и лета 1813 года происходили на поле сражения, а исход реализовался в битве лицом к лицу в октябре 1813 года под Лейпцигом.

Венский конгресс 1814-1815 годов вновь восстановил, в рамках всеобщей реставрации, понятия европейского права войны. Это была одна из самых поразительных реставраций в мировой истории. Она имела огромный успех, так что это право войны оберегаемой континентальной войны на суше еще в первую мировую войну 1914-18 годов определяло европейскую практику ведения войны на суше. Еще сегодня это право именуется классическим правом войны, и оно заслуживает этого имени. Ибо оно знает ясные различия, прежде всего, различия войны и мира, участников войны от неучастников войны, врага и преступника. Война ведется между государствами как война регулярных, государственных армий, между суверенными носителями *jus belli*, которые и в войне рассматривают себя как враги и не подвергают друг друга дискриминации как преступников, так что заключение мира возможно и даже остается нормальным, само собой разумеющимся концом войны. Перед лицом такой классической правильности – пока она имеет настоящую действенную силу – партизан мог быть только периферийным явлением, каким он фактически и являлся еще во время всей Первой Мировой войны (1914-18).

Горизонт нашего рассмотрения

Когда я при случае говорю о современных теориях партизана, я должен подчеркнуть для выяснения темы то, что старых теорий партизана в противоположность современным теориям собственно вообще не существует. В классическом праве войны прежнего европейского международного права нет места партизану в современном смысле. Он или – как в войне по династическим причинам 18 века – вид легкого, особенно подвижного, но регулярного отряда, или он как особенно отвратительный преступник стоит просто вне права и *hors la loi*. До тех пор, пока в войне сохранялось еще нечто от представления о дуэли и от рыцарства, по другому и быть не могло.

С введением всеобщей воинской повинности конечно все войны становятся по идее народными войнами, и тогда скоро создаются ситуации, которые для классического права войны являются трудными и часто даже неразрешимыми, как, например, ситуация более или менее импровизированного *levee en masse*, или добровольческий корпус или

«вольные стрелки». Об этом речь впереди. В любом случае, война остается принципиально оберегаемой (*gehegt*), и партизан – вне этого оберегания (*Hegung*). Теперь даже его сущностью и его экзистенцией становится то, что он находится вне любого оберегания. Современный партизан не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады. Он отвернулся от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в область иной, настоящей вражды, которая возрастает путем террора и анти-террора до истребления.

Два рода войны особенно важны в контексте явления партизана и в известном смысле даже родственны с этим явлением: гражданская война и колониальная война. В явлении партизана современности эта взаимосвязь прямо-таки специфична. Классическое европейское международное право вытесняло эти две опасных формы проявления войны и вражды на периферию. Война *jus publicum Europaeum* была межгосударственной войной, которую вела одна регулярная государственная армия с другой. Открытая гражданская война считалась вооруженным восстанием, которое подавлялось с помощью осадного положения полицией и отрядами регулярной армии. Колониальная война не ускользнула от внимания военной науки европейских стран – таких, как Англия, Франция и Испания. Но все это не ставило под вопрос регулярную войну государства как классическую модель.

Особо необходимо упомянуть здесь Россию. Русская армия в течение всего 19 века вела многие войны с азиатскими горцами и никогда не ограничивалась исключительно регулярной войной армий, как это делала прусско-немецкая армия. Кроме того, русская история знает автохтонную партизанскую борьбу против наполеоновской армии. Летом 1812 года русские партизаны под военным руководством мешали французской армии в ее продвижении к Москве; осенью и зимой того же года русские крестьяне убивали обратившихся в бегство, замерзших и голодных французов. Все это продолжалось немногим более полугода, но этого оказалось достаточно, чтобы стать историческим событием, имевшим огромное воздействие, правда, больше ввиду политического мифа и его различных толкований, чем из-за его парадигматического воздействия для научной теории войны. Мы должны упомянуть здесь, по меньшей мере, два разных, даже противоположных толкования этой русской партизанской войны 1812 года: одно анархистское, обоснованное Бакуниным и Кропоткиным и ставшее всемирно известным благодаря описаниям в романе Толстого «Война и мир», и большевистское использование в сталинской тактике и стратегии революционной войны.

Толстой не был анархистом типа Бакунина или Кропоткина, но тем большим было его воздействие. Его эпопея «Война и мир» содержит мифообразующей силы больше, чем любая политическая доктрина или любая документированная история. Толстой возвышает русского партизана 1812 года до носителя стихийных сил русской земли, которая сбрасывает с себя знаменитого императора Наполеона вместе с его блестящей армией как надоедливое вредное насекомое. Необразованный, неграмотный мужик у Толстого не только сильнее, но и интеллигентнее, чем все стратеги и тактики, прежде всего интеллигентнее самого великого полководца Наполеона, который становится марионеткой в руках исторического свершения. Сталин подхватил этот миф коренной

национальной партизанской борьбы во время Второй мировой войны с Германией и весьма конкретно поставил его на службу своей коммунистической мировой политике. Это означает существенно новую стадию явления партизана, в начале которой стоит имя Мао Цзэ-дуна.

Уже тридцать лет на обширных территориях Земли происходят ожесточенные партизанские битвы. Они начались уже в 1927 году, перед второй мировой войной, в Китае и в других азиатских странах, которые позже защищались от японского вторжения 1932-1945 годов. Во время второй мировой войны ареной такого рода войн стали Россия, Польша, Балканы, Франция, Албания, Греция и другие территории. После Второй мировой войны партизанская борьба продолжилась в Индокитае, где она была особенно продуктивно организована против французской колониальной армии вьетнамским коммунистическим вождем Хо Ши Мином и победителем Dien Bien Phu, генералом Vo Nguyen Giap, далее в Малайе, на Филиппинах и в Алжире, на Кипре полковником Griwas, и на Кубе Фиделем Кастро и Че Геварой. В настоящее время, в 1962 году, индокитайские страны Лаос и Вьетнам являются территориями партизанской войны, которая ежедневно развивает новые методы победы над врагом и обмана врага. Современная техника поставляет все более мощные вооружения и средства уничтожения, все более совершенные средства передвижения и методы передачи информации, как для партизан, так и для регулярного войска, которое с партизанами борется. В дьявольском круге террора и анти-террора подавление партизана часто является только отражением самой партизанской борьбы, и все снова и снова оказывается правильным старый тезис, который большей частью цитируется как приказ Наполеона генералу Лефевру от 12 сентября 1813 года: с партизаном должно бороться партизанскими методами; *il faut operer en partisan partout ou il y a des partisans*.

Ниже необходимо будет остановиться на некоторых особых вопросах международно-правового юридического нормирования. Основное и так ясно; применение к конкретным ситуациям бурного развития спорно. В последние годы появился впечатляющий документ воли к тотальному сопротивлению, не только воли, но и детального руководства для конкретного исполнения: швейцарское руководство по ведению небольших войн для каждого (*Kleinkriegsanleitung fur jedermann*), изданное швейцарским союзом унтер-офицеров под названием Тотальное сопротивление и составленное капитаном H. von Dach (2-е изд., Biel, 1958). На более чем 180 страницах этот труд дает руководство по активному и пассивному сопротивлению чужому вторжению, с точными указаниями по саботажу, жизни в подполье, о том, как прятать оружие, по организации путчей, уходу от слежки и т. д. Тщательно использованы опыты последних десятилетий. Это современное руководство по ведению войн для каждого содержит указание, что его «сопротивление в высшей степени» придерживается Гаагской конвенции о законах и обычаях войны на суше и четырех Гаагских соглашений 1949 года. Это ясно само собой. Также нетрудно вычислить, как будет реагировать нормальная регулярная армия на практическое использование той инструкции по ведению локальной войны (например, стр. 43: бесшумное убийство часового топором), пока она не чувствует себя побежденной.

Слово и понятие партизан

Краткое перечисление некоторых известных имен и событий, которым мы начали первое описание горизонта нашего рассмотрения, позволяет выявить безмерное богатство материала и проблематики. Поэтому необходимо уточнить некоторые признаки и критерии, чтобы обсуждение не стало абстрактным и безграничным. Один такой признак мы назвали в начале нашего изложения, когда исходили из того, что партизан является нерегулярным бойцом. Регулярный характер явления выражается в униформе солдата, которая является чем-то большим, чем профессиональное одеяние, поскольку она демонстрирует господство публичности; наряду с униформой солдат открыто и демонстративно носит оружие. Враждебный солдат в униформе – это настоящая мишень современного партизана.

В качестве следующего признака напрашивается сегодня интенсивная политическая ангажированность, которая характеризует партизана в отличие от других борцов. На интенсивно политический характер партизана нужно указать уже потому, что его необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение. Этот понятийный критерий политического характера имеет (в точной инверсии) ту же структуру, что и у пирата перед лицом международно-правовых норм ведения войны на море. Понятие пират включает неполитический характер скверного образа жизни, включающего разбой и личную выгоду. Пират обладает, как говорят юристы, *animus furandi*. Партизан воюет на политическом фронте, и именно политический характер его образа жизни снова возрождает первоначальный смысл слова партизан. Это слово происходит от слова партия и указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой. Такого рода связи с партией особенно сильно проявляются в революционные эпохи.

Революционная война предполагает принадлежность к революционной партии и тотальный охват. Иные группы и союзы, в особенности современное государство уже не могут столь тотально интегрировать своих членов и подданных как революционно борющаяся партия охватывает своих активных борцов. В обширной дискуссии о так называемом тотальном государстве еще не стало окончательно ясно, что сегодня не государство как таковое, но революционная партия как таковая представляет собой настоящую и по сути дела единственную тоталитарную организацию. С точки зрения чисто организационной, в смысле строгого функционирования приказа и подчинения необходимо даже сказать, что иная революционная организация в этом отношении превосходит иное регулярное войско и что в международном праве войны должна возникнуть известная путаница, когда организацию как таковую делают критерием регулярности, как это произошло в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года.

Партизан по-немецки именуется *Parteigänger* (партиец) – тот, кто идет с партией, а что это значит конкретно, в разные времена различается, как в отношении партии или фронта, с которым кто-то идет, так и в отношении его сопровождения (*Mitgehens*), примыкания (*Mitlaufens*), боевого товарищества (*Mitkampfens*), и, возможно, товарищества по

заклучению (Mitgefangenwerdens). Существуют партии, ведущие войну, но есть и партии судебного процесса, партии парламентской демократии, партии мнений и партии акций и т.д. В романских языках слово можно употребить как существительное и как прилагательное: на французском языке говорят даже о партизане какого-то мнения; короче говоря, из общего, многозначного обозначения вдруг получается слово большой политической важности. Напрашивается лингвистическая параллель с таким общим словом, как *status*, которое вдруг может означать государство (*Staat*). В эпохи разложения, как в 17 веке во время Тридцатилетней войны, нерегулярный солдат сближается с разбойниками и бродягами; он воюет на свой страх и риск и становится персонажем плутовского романа, как испанский *Picaro Estebanillo Гонсалеса*, который участвовал в битве при Нёрдлингене (1635) и рассказывает об этом в стиле солдата Швейка. Об этом можно прочесть и у Гриммельсхаузена в Симплициусе Симплициссимусе, это можно увидеть на гравюрах и офортах Жака Калло. В 18 веке "*Parteiganger*" принадлежал к пандурам и гусарам и другим видам легких войск, которые как подвижные войска «по отдельности сражаются» и ведут так называемую малую войну, в противоположность медленной большой войне линейных войск. Здесь различие регулярного и нерегулярного мыслится чисто военно-технически и ни в коем случае не равнозначно оппозиции легальный-нелегальный в юридическом смысле международного права и государственного права. В случае современного партизана обе пары противоположностей (регулярно-нерегулярно, легально-нелегально) большей частью стираются и пересекаются.

Подвижность, быстрота и ошеломляющее чередование нападения и отступления, одним словом: повышенная мобильность еще и сегодня – отличительная черта партизана, и этот признак даже еще усиливается благодаря внедрению техники и моторизации. Однако обе противоположности ликвидируются революционной войной, и возникают многочисленные полу- и парарегулярные группы и формирования. Борющийся с оружием в руках партизан всегда остаётся зависимым от сотрудничества с регулярной организацией. Очень настойчиво подчеркивает это боевой соратник Фиделя Кастро на Кубе, Эрнесто Че Гевара. Вследствие этого уже благодаря взаимодействию регулярного и нерегулярного получают некоторые промежуточные ступени. Это происходит и в тех случаях, когда никоим образом не революционное правительство призывает к защите национальной территории от чужого завоевателя. Народная война и малая война здесь переплетаются. В регламенте для подобных войск уже с 16 века существует обозначение партизан. Мы еще познакомимся с двумя важными примерами формального регламентирования народной войны и ландштурма, которые пытаются регламентировать герилью. С другой стороны и чужой завоеватель публикует инструкции о подавлении вражеских партизан. Все нормирования такого рода стоят перед сложной проблемой международно-правового, т.е. законного для обеих сторон регулирования нерегулярного, в отношении признания партизана участником войны и его рассмотрения в качестве военнопленного, и, с другой стороны, соблюдения прав военных оккупационных властей. Мы уже дали понять, что здесь возникают некоторые юридические разногласия. Мы ещё вернёмся к спору о «вольных стрелках» германо-

французской войны 1870-1871 годов, после того, как окинем взором международно-правовое положение (см. ниже).

Тенденция изменения или же упразднения унаследованных понятий – классических понятий, как любят говорить сегодня – всеобща и перед лицом стремительного изменения мира тем более постижима. Не осталось в стороне от этой тенденции и «классическое» (если его можно так назвать) понятие партизана. В очень важной для нашей темы книге «Партизан» Рольфа Шроерса, вышедшей в 1961 году, нелегальный боец движения Сопротивления и активист подполья становится собственно типом партизана. Это такое преобразование понятия, которое ориентировано главным образом на определённые внутри-немецкие ситуации гитлеровской эпохи и именно как таковое заслуживает внимания. Нерегулярность заменена нелегальностью, военная борьба – сопротивлением. Это означает, как мне кажется, далеко идущее перетолкование партизана национальных войн за независимость и недооценку того факта, что и революционизация войны поддерживает военную связь регулярной армии и нерегулярного бойца.

В некоторых случаях перетолкование доходит до всеобщего символа и упразднения понятия. Тогда любой индивидуалист или нонконформист может быть назван партизаном, независимо от того, думает ли он вообще о том, чтобы взять в руки оружие. Как метафора это вполне допустимо; я сам пользовался ею для характеристики духовно-исторических фигур и ситуаций. В переносном смысле «быть человеком – значит быть борцом», и последовательный индивидуалист борется самостоятельно и на свой страх и риск. Тогда он становится сам себе партией. Такого рода упразднения понятий являются заслуживающими внимания знаками времени, которые требуют отдельного исследования. Но для той теории партизана, каковая здесь имеется в виду, должны иметься некоторые критерии, чтобы тема не рассеялась в абстрактной универсальности. Таковыми критериями являются: нерегулярность, повышенная мобильность активного боя и повышенная, усиленная интенсивность политической ангажированности.

Я хотел бы придерживаться ещё одного, четвёртого признака настоящего партизана, признака, который Jover Zamora обозначил как теллурический характер. Это, несмотря на всю тактическую подвижность и маневренность, важно для принципиально оборонительной ситуации партизана, который изменяет свою сущность, если он отождествляет себя с абсолютной агрессивностью идеологии мировой революции или техницистской идеологии. Вполне совпадают с этим критерием две особенно интересных для нас трактовки темы, книга Рольфа Шроерса и диссертация Jurg H. Schmid о международно-правовом положении партизана. Его обоснование теллурического характера такого явления, как партизан кажется мне необходимым, чтобы в смысле положения в пространстве сделать очевидным оборону, т.е. ограничение вражды и предостеречь от абсолютного требования абстрактной справедливости.

В отношении партизан, которые в 1808/13 годах сражались в Испании, Тироле и в России, это и так ясно. Но и партизанские сражения Второй мировой войны и последующих годов в Индокитае и других странах, связанные с именами Мао Дзэ-дуна, Хо Ши Мина и Фиделя Кастро, дают понимание того факта, что связь с почвой, с автохтонным

населением и с географическим своеобразием страны – горы, лес, джунгли или пустыня – остаётся вполне актуальной. Партизан остаётся отделённым не только от пирата, но и от корсара в такой же мере, в какой остаются разделены земля и море как различные элементарные пространства человеческой работы и военного столкновения между народами. Земля и море имеют не только различные способы ведения войны и не только различного рода театры военных действий, но и развили разные понятия о войне, враге и трофеях. Партизан будет представлять специфически земной, сухопутный тип активного борца по крайней мере так долго, сколько будут возможны антиколониальные войны на нашей планете. Теллурический характер партизана ниже будет более отчётливо очерчен в сравнении с фигурами типично морскими в правовом отношении и в разборе пространственного аспекта.

Но и автохтонный партизан аграрного происхождения вовлекается в силовое поле неотразимого, технически-индустриального прогресса. Его мобильность настолько повышается благодаря моторизации, что он оказывается подвержен опасности полностью лишиться какой-либо почвы. Во времена холодной войны он становится техником невидимой борьбы, саботажником и шпионом. Уже во время Второй мировой войны имелись отряды диверсантов с партизанской выучкой. Такой моторизованный партизан утрачивает свой теллурический характер и является только транспортабельным и заменяемым орудием мощного центра, творящего мировую политику, который вводит его в действие для явной или невидимой войны и, сообразно обстоятельствам, снова отключает. Эта возможность также принадлежит его сегодняшней экзистенции и не должна остаться без внимания в теории партизана.

Этими четырьмя критериями – нерегулярность, повышенная мобильность, интенсивность политической ангажированности, теллурический характер – и со ссылкой на возможные последствия продолжающегося технизирования, индустриализирования и утраты аграрного характера мы, с понятийной точки зрения, описали горизонт нашего рассмотрения. Он простирается от Guerrillero наполеоновской эпохи до хорошо вооружённого партизана современности, от Emprecinado через Мао Дзэ-дуна и Хо Ши Мина к Фиделю Кастро. Это большая область, постоянно растущий материал по историографии и военной науке. Мы используем его, насколько он нам доступен, и попробуем получить некоторые научные выводы для теории партизана.

Взгляд на международно-правовое положение.

Партизан воюет нерегулярным образом. Но некоторые категории нерегулярных бойцов уравниваются с регулярными вооружёнными силами и пользуются правами и преимуществами регулярных участников войны. Это означает: их боевые действия не являются противозаконными, и когда они попадают в плен к врагам, то имеют право требовать особого обращения как военнопленные и раненые. Правовой статус нашёл в Гаагском уставе сухопутной войны от 18 октября 1907 года обобщение, которое сегодня признано общепринятым. После Второй мировой войны эта материя получила развитие в четырёх Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года, из коих вторая регламентирует участь раненых и больных в сухопутной войне и в морской войне, третья – обращение с

военнопленными, а четвёртая – защиту гражданских лиц во время войны. Их ратифицировали многие страны западного мира и восточного блока; с их формулировками согласован и новый американский военный справочник по праву сухопутной войны от 18 июля 1956 года.

Гаагский устав сухопутной войны от 18 октября 1907 года при определённых условиях уравнил милицию, добровольческие корпуса и боевых товарищей спонтанных народных возмущений с регулярными вооружёнными силами. Позже, при разборе прусских разногласий с партизанством, мы будем упоминать о некоторых трудностях и неясностях этого регулирования. Развитие, приведшее к Женевским конвенциям 1949 года, характеризуется тем, что оно признаёт всё дальше заходящие ослабления до сих пор чисто государственного, европейского международного права. Всё новые категории участников боевых действий считаются теперь участниками войны. И гражданские лица занятой войсками врага области – то есть, собственного района боевых действий партизана, борющегося в тылу вражеских армий, – пользуются теперь большей правовой защитой, чем согласно уставу сухопутной войны 1907 года. Много боевых товарищей, которые до сих пор считались партизанами, теперь уравниваются с регулярными бойцами и имеют их права и преимущества. Они, собственно говоря, не могут больше именоваться партизанами. Однако понятия ещё неясны и колеблются.

Формулировки Женевских конвенций учитывают европейский опыт, но не учитывают партизанские войны Мао Дзэ-дуна и позднейшее развитие современной партизанской войны. В первые годы после даты 1945 ещё не стало ясно то, что осознал и сформулировал такой знаток дела, как Hermann Foertsch: что военные акции после 1945 года приняли партизанский характер, поскольку обладатели атомной бомбы избегали её применения из гуманитарных соображений, а не обладающие ей могли рассчитывать на эти опасения – неожиданное влияние как атомной бомбы, так и гуманитарных соображений. Важные для проблемы партизана понятия Женевских нормирований абстрагированы от определённых ситуаций. Они являются (как говорится в авторитетном и крайне важном, составленном под руководством Jean S. Pictet комментарии *Internationalen Roten Kreuzes*, Bd.111,1958,S.65) точной ссылкой *une reference precise* на движения сопротивления Второй мировой войны 1939/45.

Здесь не было намерения фундаментально изменить Гаагский устав сухопутной войны 1907 года. Здесь даже принципиально придерживаются четырёх классических условий для уравнивания с регулярными войсками (ответственные начальники, постоянный твёрдый видимый знак отличия, открытое ношение оружия, соблюдение правил и обычаев права войны). Конвенция о защите гражданского населения должна, правда, иметь силу не только для межгосударственных войн, но и для всех интернациональных вооружённых конфликтов, итак, и для гражданских войн, восстаний и т.д. Но тем самым нужно создать лишь правовое основание для гуманитарных интервенций Интернационального Комитета Красного Креста (и других непартийных организаций). *Inter arma caritas*. В ст. 3 абзац 4 конвенции настоятельно подчёркивается, что правовое положение, *le statut juridique*, конфликтующих партий этим не затрагивается (Pictet, a.a.O., 111, 1955, S.39/40). В межгосударственной

войне оккупационные власти занятой войсками области по прежнему сохраняют за собой право давать указание местной полиции этой области поддерживать порядок и подавлять нерегулярные боевые действия, таким образом, преследовать и партизан, «независимо от того, какие идеи их вдохновляют» (Pictet 1V, 1956,S.330).

Таким образом, отличие партизана – в смысле нерегулярного, не приравненного к регулярным войскам борца – и сегодня принципиально сохраняется. Партизан в этом смысле не имеет прав и преимуществ участников войны; он преступник согласно общему праву и может быть обезврежен суммарными наказаниями и репрессивными мерами. Это было принципиально признано и на судебных процессах по делам военных преступников после Второй мировой войны, главным образом в приговорах Нюрнбергского процесса против немецких генералов (Jodl, Leeb, List), причём само собой разумеется, что все выходящие за пределы необходимого подавления партизан жестокости, террор, коллективные наказания или даже участие в геноциде, остаются военными преступлениями.

Женевские конвенции расширяют круг лиц, приравненных к регулярным борцам прежде всего тем, что они уравнивают членов «организованного движения сопротивления» и сотрудников милиции и членов добровольческих корпусов и таким образом присваивают им права и преимущества регулярных участников войны. При этом не единожды военная организация недвусмысленно делается условием (ст.13 конвенции о раненых, ст.4 конвенции о военнопленных). Конвенция о защите гражданского населения приравнивает «интернациональные конфликты», которые решаются силой оружия к межгосударственным войнам классического европейского международного права, и затрагивает тем самым ядро типичного для прежнего права войны правового института, *occupatio bellica*. К таким расширениям и ослаблениям, которые здесь могут быть приведены лишь в качестве примеров, прибавляются важные превращения и изменения, которые сами собою следуют из развития современной военной техники и со ссылкой на партизанскую борьбу действуют ещё более интенсивно. Что означает, например, положение об «открытом ношении» оружия для борца сопротивления, которого наставляет выше цитированное «руководство по ведению партизанской войны» швейцарского союза унтер-офицеров (с.33): «Передвигайся только по ночам и скрывайся днём в лесах!» Или что означает требование повсюду видимого знака отличия в ночном сражении или в сражении с применением дальнобойных орудий современной военной техники? Встаёт много подобных вопросов, когда рассмотрение ведётся с точки зрения проблемы партизана и когда не упускаются из виду ниже выявленные аспекты изменения пространства и технико-индустриального развития.

Защита гражданского населения в занятой военными области многообразна. Оккупационные власти заинтересованы в том, чтобы в занятой их военными области царил покой и порядок. Придерживаются того, что население занятой области обязывается не то чтобы быть верным, но, пожалуй, обязано повиноваться допустимым по праву войны распоряжениям оккупационных властей. Даже служащие – и сама полиция – должны корректно продолжать работать и соответственно

этому с ними должны обращаться оккупационные власти. Всё это – с большим трудом уравновешенный, трудный компромисс между интересами оккупационных властей и интересами их военного противника. Партизан опасным образом нарушает этот вид порядка в занятой области. Не только потому, что его настоящий район боевых действий есть область в тылу вражеского фронта, где он выводит из строя транспорт и снабжение, но и, кроме того, если население этой области более или менее поддерживает и прячет его. «Население твой самый большой друг» – значит в только что цитированном «Руководстве по ведению партизанской войны для каждого» (с.28). Тогда защита такого населения потенциально является и защитой партизана. Так становится ясно то, почему в истории развития права войны при обсуждениях Гаагского устава сухопутной войны и его дальнейшего развития всё время происходило типичное группирование, расстановка сил: большие военные державы, то есть потенциальные оккупационные власти, требовали строгого обеспечения порядка в занятой войсками области, в то время, как меньшие государства, опасавшиеся военной оккупации – Бельгия, Швейцария, Люксембург – пытались добиться возможно более полной защиты борцов сопротивления и гражданского населения. И в этом отношении развитие со времен Второй мировой войны привело к новым научным выводам, и ниже выявленный аспект разрушения социальных структур действительно предполагает вопрос о том, могут ли иметься и такие случаи, при которых население испытывает нужду в защите от партизана.

Благодаря Женевским конвенциям 1949 года внутри классического, точно урегулированного и регламентированного правового института *occupatio bellica* произошли изменения, последствия которых во многом остаются непредвиденными. Борцы сопротивления, которых раньше трактовали как партизан, уравниваются с регулярными бойцами, если только они организованы. В противоположность интересам оккупационных властей интересы населения занятой области так сильно подчёркиваются, что – по крайней мере, в теории – стало возможным рассматривать любое сопротивление оккупационным властям, в том числе, партизанское сопротивление, если только оно возникает из достойных уважения мотивов, как не иллегальное. С другой стороны, оккупационные власти должны по-прежнему иметь право на репрессивные меры. Партизан в этой ситуации не будет действовать по-настоящему легально, но и не будет действовать по-настоящему нелегально, но будет действовать на свой страх и риск и в этом смысле будет действовать рискованно.

Когда употребляют слово риск и рискованно во всеобщем, не уточнённом смысле, тогда необходимо установить, что в занятой военными врага и насыщенной партизанами области рискованно живёт ни в коем случае не только партизан. Во всеобщем смысле ненадёжности и опасности всё население такой области подвергается большому риску. Служащих, которые соответственно Гаагскому уставу сухопутной войны желают корректно продолжать работать, настигает дополнительный риск в смысле действий и бездействий, и в особенности служащий полиции оказывается в точке пересечения опасных, друг другу противоречащих требований: вражеские оккупационные власти требуют от него повиновения при поддержании безопасности и порядка, которые

нарушаются как раз партизаном; собственное национальное государство требует от него верности и после войны привлечёт его к ответственности; население, к которому он принадлежит, ожидает лояльности и солидарности, которая, имея в виду деятельность полицейского служащего, может привести к совершенно противоположным практическим выводам, если полицейский служащий не решится на то, чтобы самому стать партизаном; и, наконец, партизан и оккупант быстро зачислят его в дьявольский круг их репрессий и анти-репрессий. Говоря абстрактно, рискованные действия (или бездействие) не является специфическим признаком партизана.

Слово рискованно приобретает уточнённый смысл благодаря тому, что рискованно действующий [субъект] действует на свой страх и риск и осознанно смиряется со скверными последствиями своего действия или бездействия, так что он не может жаловаться на несправедливость, если его настигают скверные результаты. С другой стороны он имеет возможность – насколько речь не идёт о противозаконных действиях – компенсировать риск тем, что он заключает договор страхования. Юридической родиной понятия риск, его научно-правовым топомосом остаётся страховое право. Человек живёт среди разнообразных опасностей, а дать опасности с юридическим сознанием название риск означает сделать её и затронутого ей застрахованным. В случае партизана это, вероятно, привело бы к провалу нерегулярности и нелегальности его действий, даже если бы были готовы к тому, чтобы в технико-страховочном смысле защитить его от слишком большого риска зачислением в наивысший класс опасности.

Размышление над понятием риска необходимо для таких ситуаций, как война и вражда. У нас это слово введено в международно-правовое учение о войне в книге Josef L. Kunz *“Kriegsrecht und Neutralitätsrecht”* (1935, S.146, 274). Но там это слово не относится к войне на суше и совсем не относится к партизану. Эти вещи вообще не упоминаются в книге. Если мы не будем вспоминать о страховом праве как о юридической родине понятия риск и забудем неточные и нечёткие употребления этого слова – напр., сравнение с убежавшим пленным, который «рискует» быть застреленным – то обнаружится, что специфически плодотворное в смысле права войны употребление понятия «рискованно» у J. Kunz имеет в виду только морское право войны и типичные для него фигуры и ситуации. Война на море в большой мере экономическая война; в противоположность войне на суше у неё своё собственное пространство и свои собственные понятия о враге и трофеях. Даже улучшение участи раненых в Женевском регулировании августа 1949 года привело к двум, раздельным для земли и моря, конвенциям.

Рискованно в таком специфическом смысле действуют два участника войны на море: нейтральный нарушитель блокады и нейтральный провозчик контрабанды. Со ссылкой на них слово рискованно является чётким и точным. Оба рода участников войны пускаются на «весьма выгодное, но рискованное коммерческое приключение» (J. Kunz a.a.O., S. 277): они рискуют судном и грузом в случае захвата. При этом они не имеют врага, даже если они сами рассматриваются как враг в смысле международно-правовых норм ведения войны на море. Их социальный идеал – это хороший гешефт. Их поле деятельности – это свободное море.

Они не думают о том, чтобы защищать дом, очаг и родину от чужого захватчика, что относится к прообразу автохтонного партизана. Они заключают также договоры страхования, чтобы компенсировать свой риск, причём тарифы опасности соответственно высоки и приспособляются к меняющимся факторам риска, напр., к затоплению подводной лодкой: очень рискованно, но надёжно и дорого застраховано.

Не должно изымать такое удачное слово как рискованно из понятийного поля морского права войны и растворять его в стирающем все чёткие очертания общем понятии. Для нас, настаивающих на теллурическом характере партизана, это особенно важно. Если раньше я однажды назвал мародёров и пенителей моря начала капитализма «партизанами моря» (*Der Nomos der Erde*, S.145), то сегодня я бы исправил это как терминологическую неточность. Партизан имеет врага и «рискует» совсем в ином смысле, чем нарушитель блокады и провозчик контрабанды. Он рискует не только своей жизнью, как любой регулярный участник войны. Он знает, и не останавливается перед тем, что враг ставит его вне права, вне закона и вне понятия чести.

Это, конечно, делает и революционный борец, который объявляет врага преступником и все понятия врага о праве, законе и чести объявляет идеологическим обманом. Вопреки всем, характерным для Второй мировой войны и послевоенного времени вплоть до сегодняшнего дня соединениям и смешениям обоих видов партизана – оборонительно-автохтонного защитника родины и агрессивного в мировом масштабе, революционного активиста – противоположность сохраняется. Она покоится, как мы увидим, на фундаментально различных понятиях о войне и вражде, которые реализуются в различных видах партизан. Там, где война ведётся с обеих сторон как недискриминационная война одного государства с другим, партизан является периферийной фигурой, которая не взрывает границы войны и не изменяет общую структуру политического процесса. Однако если война ведётся с криминализациями военного противника в целом, если война ведётся, например, как гражданская война классового врага с классовым врагом, если её главная цель – свержение правительства враждебного государства, тогда революционное действие взрыва криминализации врага сказывается таким образом, что партизан становится истинным героем войны. Он приводит в исполнение смертный приговор преступнику и со своей стороны рискует тем, что его будут рассматривать как преступника или вредителя. Это логика войны *justa causa* без признания *justus hostis*. Благодаря ней революционный партизан становится подлинной центральной фигурой войны.

Однако проблема партизана становится лучшим пробным камнем. Различные виды партизанской войны могут так смешиваться и сливаться в практике сегодняшнего ведения войны, они остаются настолько различными в своих фундаментальных предпосылках, что применительно к ним оправдывает себя критерий группирования на друзей и врагов. Ранее мы напомнили о типичном группировании, которое явствовало при подготовке Гаагского устава сухопутной войны: большие военные державы против маленьких нейтральных стран. При обсуждениях Женевских конвенций 1949 года с большим трудом была достигнута компромиссная формула, уравнивающая организованное

движение сопротивления и добровольческий корпус. И здесь повторилось типичное группирование, когда речь шла о том, чтобы закрепить опыт Второй мировой войны в международно-правовых нормах. И в этот раз большие военные державы, потенциальные оккупанты, противостояли маленьким, опасаящимся оккупации государствам; однако в этот раз со столь же необычной, сколь и симптоматичной модификацией: самая большая сухопутная, континентальная держава мира, самый сильный потенциальный оккупант, Советский Союз, был теперь на стороне маленьких государств.

Богатая материалами и хорошо обоснованная документами работа Jurg H. Schmid "Die volkerrechtliche Stellung der Partisanen im Kriege" (Zurcher Studien zum Internationalen Recht Nr.23, Polygraphischer Verlag AG. Zurich, 1956) хочет поставить «под вывеску права» «Ведение герильи гражданскими лицами» – при этом имеются в виду конкретно партизаны Сталина (S.97,157). В этом Schmid видит «квинтэссенцию проблемы партизана» и правовое творческое достижение Женевских конвенций. Schmid хотел бы устранить «определённые раздумья права оккупации», ещё оставшиеся от прежнего понимания оккупационной власти, в особенности, как он говорит, «воспетую обязанность выполнять приказ». Для этой цели он использует учение о легальных, но рискованных военных действиях, которые он по-новому акцентирует как рискованные, но неиллегальные военные действия. Так он уменьшает риск партизана, которому он за счёт оккупационных властей присуждает возможно больше прав и привилегий. Как он думает избежать логики террора и анти-террора, я не вижу; дело обстоит так, что он просто криминализирует военного врага партизана. Всё это в целом – в высшей степени интересное пересечение двух различных *statuts juridiques*, именно участника войны и гражданского лица, с двумя различными видами современной войны, именно открытой и холодной войны между населением и оккупационными властями, в которой партизан Schmid'a (следуя Мао) принимает участие *a deux mains*. Удивительно только, и здесь заключается истинная поломка оси понятия, что эта деиллегализация сталинского партизана за счёт классического международного права одновременно связывается с возвратом к чистой войне государств Portalis-доктрины Руссо, о которой Schmid утверждает, что она только «в своей детской обуви» запрещала гражданскому лицу совершение военных действий (S.157). Так партизан становится застрахованным.

Четыре Женевских конвенции от 12 августа 1949 года являются плодом гуманного образа мыслей и гуманного развития, которое заслуживает восхищения. Присваивая и врагу не только человечность, но даже законность в смысле признания, они остаются на основе классического международного права и в русле его традиции, причём такое произведение гуманности не является невероятным. Их базисом остаётся государственное ведение войны и построенное на этом оберегание войны, с его ясными различиями войны и мира, военных и гражданских лиц, врага и преступника, войны государств и гражданской войны. Однако давая ослабеть этим существенным различиям или даже ставя их под вопрос, они открывают дверь для такого рода войны, которая осознанно разрушает те ясные отделения одного от другого. Тогда иное осторожно стилизованное компромиссное нормирование предстаёт лишь

тонким мостиком над бездной, которая скрывает в себе чреватое большими последствиями преобразование понятий о войне, о враге и о партизане.

Развитие теории/ Прусские разногласия с партизанством.

В Пруссии, ведущей военной державе Германии, восстание против Наполеона весной 1813 года было преисполнено сильного национального чувства. Великое мгновение быстро миновало; однако в истории партизанства оно столь существенно, что мы должны будем позже особенно обсудить его.

Сначала нам необходимо обратить внимание на бесспорный исторический факт: прусская и ведомая Пруссией немецкая армия с 1813 года вплоть до окончания Второй мировой войны представляет классический пример организации войска, которая радикально вытеснила идею партизанства. Тридцать лет немецкого колониального господства в Африке (1885-1915) были в военном смысле недостаточно важны, чтобы серьёзно познакомить с проблемой блестящих теоретиков прусского генерального штаба. Австрийско-венгерская армия знала партизанскую войну на Балканах и имела регламент для малой войны. Напротив, прусско-немецкая армия вторглась во время Второй мировой войны 22 июня 1941 года в Россию, не думая о партизанской войне. Свою кампанию против Сталина она начала с максимы: воинская часть подавляет врага; мародёры обезвреживаются полицией. Лишь в октябре 1941 года последовали первые специальные инструкции по подавлению партизан; в мае 1944 года, за год до окончания четырёхлетней войны, вышел первый полный регламент верховного главнокомандования вооружённых сил.

Прусско-немецкая армия стала в 19 веке самой знаменитой, образцовой военной организацией тогдашнего, европоцентристского мира. Но она была обязана этой славой исключительно военным победам над другими регулярными европейскими армиями, в особенности над армиями Франции и Швейцарии. С нерегулярной войной она встретилась только во время немецко-французской войны 1870-1871 годов во Франции, в образе так называемых франтирёров, которых по-немецки именовали партизанами (Heckenschützen) и безжалостно обращались с ними в соответствии с правом войны, как это, впрочем, делала и любая регулярная армия. Чем строже дисциплина в регулярной армии, чем корректнее она различает военных и гражданских лиц и рассматривает только одетого в униформу противника в качестве врага, тем более чувствительной и нервной она становится, если на другой стороне в борьбе принимает участие и не одетое в униформу гражданское население. Военные реагируют тогда жёсткими репрессиями, расстрелами, взятием заложников и разрушением населённых пунктов и считают это справедливой самообороной против коварства и вероломства. Чем с большим уважением относятся к регулярному, одетому в униформу противнику как к врагу и не путают его даже в самой кровавой борьбе с преступником, тем злее обходятся с нерегулярным борцом как с преступником. Всё это само собой следует из логики классического европейского права войны, которое различает военных и гражданских

лиц, участников войны и мирное население, и которое мобилизует редкую моральную силу – не объявлять врага как такового преступником.

Немецкий солдат узнал о франтирере во Франции, осенью 1870 года и следующей зимой 1870/71, после важной победы, которую он одержал над регулярной армией императора Наполеона 3-го в битве у Седана 2 сентября. Если бы всё шло по правилам классической, регулярной войны армий, то нужно было бы ожидать, что после такой победы война будет окончена и что будет заключён мир. Вместо этого побеждённое правительство императора было смещено. Новое республиканское правительство под руководством Леона Гамбетта провозгласило национальное восстание против чужого захватчика, “Krieg a outrance”. Оно весьма спешно набирало всё новые армии и бросало всё новые массы плохо обученных солдат на поля сражений. В ноябре 1870 года оно даже достигло военного успеха у Loire. Так как не рассчитывали на длительное ведение войны, положение немецких армий стало угрожающим, и было поставлено под угрозу внешнеполитическое положение Германии. Население Франции пришло в состояние патриотического волнения и в самых разных формах стало участвовать в борьбе против немцев. Немцы арестовывали уважаемых лиц и так называемую знать (Notable) в качестве заложников, расстреливали франтиреров, которые попадались им с оружием в руках, и оказывали на население давление путём всякого рода репрессий. Это была исходная ситуация для более чем полувекового спора юристов в области международного права и официальной пропаганды обеих сторон за и против франтирера. Разногласия снова вспыхнули в первую мировую войну как бельгийско-немецкий спор о франтирерах. Об этом вопросе написаны целые библиотеки, и ещё в последние 1958-1960 годы коллегия уважаемых немецких и бельгийских историков попыталась прояснить и разрешить по крайней мере один спорный пункт из этого комплекса [вопросов] - бельгийский спор о франтирерах 1914 года.

Всё это показательно для проблемы партизана, поскольку это показывает, что нормативное регулирование – если оно должно, следуя фактам, осмыслить положение вещей и если оно должно не только выдавать глоссандо суждений о цене и об общих ограничительных условиях – юридически невозможно. Традиционное европейское оберегание межгосударственной войны исходит с 18 века из определённых понятий, которые хотя и были приостановлены Французской революцией, но тем более действенно были подтверждены реставрацией Венского конгресса. Эти восходящие к эпохе монархии представления об оберегаемой войне и о законном враге могут быть легализованы между государствами лишь в том случае, если ведущие войну государства обеих сторон придерживаются их как во внутренней, так и в межгосударственной политике одинаковым образом, то есть если их внутренние и межгосударственные понятия о регулярности и нерегулярности, легальности и нелегальности содержательно совпадают или же, по крайней мере, некоторым образом гомогенны по своей структуре. В противном случае межгосударственное нормирование, вместо содействия достижению мира, станет только поставлять предлоги и лозунги для взаимных обвинений. Эта простая истина со времени первой мировой войны стала постепенно понятна. Но фасад унаследованного понятийного инвентаря идеологически ещё очень

силён. По практическим причинам государства заинтересованы в использовании так называемых классических понятий, даже если эти последние в иных случаях отбрасываются в сторону как старомодные и реакционные. Кроме того, юристы европейского международного права упорно вытесняли из своего сознания различимую с 1900 года картину новой действительности.

Если всё это в общем смысле имеет силу для различия между европейской войной государств старого стиля и демократической народной войной, тогда тем более это относится к импровизированной национальной народной войне *a outrance*, как её провозгласил Гамбетта в сентябре 1870 года. Гаагский устав сухопутной войны 1907 года – не иначе чем все его предшественники в 19 веке – не пытался достичь компромисса, имея в виду франтирера. Он требует известных условий для того, чтобы признать импровизированного воина, одетого в импровизированную униформу, участником войны в международно-правовом смысле: ответственные начальники, постоянный, далеко видимый знак отличия и, прежде всего, открытое ношение оружия. Неясность понятий Гаагского регулирования и Женевских конвенций велика и запутывает проблему. Партизан всё же именно тот, кто избегает открыто носить оружие, кто борется из-за угла, кто использует как униформу врага, так и устойчивый или свободный знак отличия и любой род гражданской одежды как маскировку. Скрытность и темнота – его сильнейшие орудия, от которых он честно не может отказаться без того, чтобы не утратить пространство нерегулярности, это значит: без того, чтобы не перестать быть партизаном.

Военная концепция регулярной прусской армии ни в коем случае не была основана на недостатке образования или на незнании значения герильи. Это видно по интересной книге типичного прусского офицера генерального штаба, который знал войну с франтирерами 1870-71 годов и который обнародовал своё мнение в 1877 году под заголовком «Леон Гамбетта и его армии». Автор, барон Colmar von der Goltz умер во время первой мировой войны командиром турецкой армии как паша Goltz. Со всей объективностью и с большой точностью юный прусский офицер обнаруживает решающую ошибку республиканского ведения войны и констатирует: «Гамбетта хотел вести большую войну, и он её вёл, к своему несчастью; ибо для немецких армий во Франции того времени гораздо опаснее была бы малая война, герилья».

Прусско-немецкое руководство сухопутными войсками, пусть поздно, но, наконец, постигло партизанскую войну. Верховное главнокомандование немецких вооружённых сил 6 мая 1944 года опубликовало уже упоминавшиеся общие директивы по борьбе с партизанами. Так немецкая армия перед своим концом всё же успела правильно познать партизана. Между тем директивы мая 1944 года признаны отличным регулированием и врагом Германии. Английский бригадир Dixon, опубликовавший после Второй мировой войны вместе с Otto Heilbrunn содержательную книгу о партизане, *in extenso* перепечатывает немецкие директивы как показательный пример правильной борьбы с партизанами, а английский генерал сэр Reginald F. S. Denning замечает в своём предисловии к Dixon-Heilbrunn, что ценность немецких инструкций по борьбе с партизанами 1944 года не уменьшается

от того, что здесь речь идёт о директивах немецкой армии для борьбы против русских партизан.

Два явления немецкого конца войны 1944-45 годов не нужно приписывать немецкому вермахту; их скорее можно объяснить противоречием с ним: немецкий Volkssturm и так называемый вервольф. Volkssturm был призван указом от 25 сентября 1944 года, как территориальное народное ополчение для обороны страны; принадлежащие к нему люди, начиная действовать, становились солдатами в смысле закона о воинской повинности и участниками войны в смысле Гаагского устава сухопутной войны. Об их организации, вооружении, применении, боевом духе и потерях информирует недавно вышедшая работа генерал-майора Ганса Кисселя, который был шефом главного штаба Deutscher Volkssturm с ноября 1944 года. Киссель сообщает, что Volkssturm на Западе был признан союзниками как воюющий отряд (воинская часть), в то время как русские рассматривали его как партизанскую организацию и пленных расстреливали. В отличие от этого территориального народного ополчения вервольф был задуман как партизанская организация юношества. О результате сообщает книга Dixon и Heilbrunn: «Некоторые немногие начинающие вервольфы были схвачены союзниками, и этим дело исчерпалось». Вервольф характеризовали как «попытку выпустить на свободу войну детей-партизан» (Kinderheckenschutzenkrieg). В любом случае, нам нет нужды останавливаться здесь на этом подробно.

После первой мировой войны тогдашние победители ликвидировали немецкий генеральный штаб и запретили его восстановление в любой форме в статье 160 Версальского договора от 28 июня 1919 года. Историческая и международно-правовая логика заключена в том, что победители во Второй мировой войне, которые тем временем объявили вне закона Duellkrieg классического европейского международного права, прежде всего США и Советский Союз, после их общей победы над Германией также поставили прусское государство вне закона и уничтожили его. Закон № 46 Контрольного совета союзников от 25 февраля 1947 года постановлял: Прусское государство, которое с давних пор было в Германии носителем милитаризма и реакции, de facto прекратило существовать. Руководимый идеей сохранения мира и безопасности народов и желая восстановления политической жизни в Германии на демократической основе, Контрольный совет предписывает следующее: Статья 1-я. Прусское государство со своим правительством и всеми своими органами управления ликвидировано.

Партизан как прусский идеал 1813 года и поворот к теории.

Не прусский солдат и не стремящийся к реформам кадровый офицер прусского генерального штаба, а прусский премьер-министр Бисмарк был тем, кто в 1866 году против Габсбургской монархии и бонапартистской Франции «хотел взяться за любое оружие, которое нам могло предложить выпущенное на свободу(entfesselte) национальное движение не только в Германии, но и в Венгрии и в Богемии», чтобы не понести поражение. Бисмарк был полон решимости привести в движение Ахеронт. Он охотно употреблял классическую цитату Acheronta movere, но он приписывал это конечно с большей охотой своим

внутриполитическим противникам. Как прусский король Вильгельм 1-й, так и шеф прусского генерального штаба Мольтке были далеки от ахеронтских планов; нечто подобное должно было казаться им жутким и также непрусским. И для слабых попыток немецкого правительства и генерального штаба подготовить революцию во время первой мировой войны слово *acherontisch* было бы чересчур сильным. Конечно, и ленинская поездка из Швейцарии в Россию в 1917 году принадлежит этому контексту. Но всё, что могли тогда, при организации путешествия Ленина, задумывать и планировать немцы, благодаря историческим последствиям этой подготовки к революции так чудовищно превзошло и перевернуло планы, что наш тезис о прусских разногласиях с партизанством тем самым скорее подтверждается, чем опровергается.

Тем не менее, прусское государство солдат (*Soldatenstaat*) однажды имело в своей истории ахеронтское мгновение. Это было зимой и весной 1812-13 годов, когда элита офицеров генерального штаба пыталась высвободить и прибрать к рукам силы национальной вражды к Наполеону. Немецкая война против Наполеона не была партизанской войной. Едва ли можно назвать её народной войной; последней её делает, как точно говорит Эрнст Форстхоф, только «легенда с политической подоплёкой».²⁶ Быстро удалось направить те стихийные силы в твёрдые рамки государственного порядка и регулярной борьбы против французских армий. Тем не менее, это краткое, революционное мгновение сохраняет непреходящее значение для теории партизана.

Здесь сразу вспомнят о знаменитом шедевре военной науки – книге О войне прусского генерала фон Клаузевица. Вспомнят вполне обоснованно. Но Клаузевиц был тогда юным другом своих учителей и наставников Шарнхорста и Гнейзенау, и его книга была опубликована только после его смерти, после 1832 года. Зато есть другой манифест вражды к Наполеону, восходящий непосредственно к весне 1813 года; он принадлежит к самым удивительным документам всей истории партизанства: прусский эдикт о ландштурме от 21 апреля 1813 года. Речь идёт о подписанном королём Пруссии эдикте, который был с соблюдением всех правил опубликован в прусском своде законов. Несомненно то, что образцом для этого эдикта послужили испанский *Reglamento de Partidas y Cuadrillas* от 28 декабря 1808 года и известный под названием *Corso Terrestre* декрет от 17 апреля 1809 года. Но эти документы не были подписаны монархом лично. Поражаешься, когда видишь имя легитимного короля под подобного рода призывом к партизанской войне. Эти десять страниц Прусского Свода законов 1813 года (с.79-89) определённо принадлежат к самым необычным страницам всех изданных законов мира.

Каждый гражданин государства, так значит в королевском прусском эдикте апреля 1813 года, обязан сопротивляться вторгшемуся врагу всеми видами оружия. Настоятельно рекомендуются (в # 43) топоры, вилы, косы и дробовые винтовки. Каждый пруссак обязан не повиноваться никакому распоряжению врага, но обязан вредить ему всеми доступными средствами. Также если враг желает восстановить общественный порядок, никто не должен повиноваться ему, поскольку тем самым врагу облегчается проведение военных операций. Недвусмысленно говорится, что менее вреден «разгул необузданного

сброда», чем состояние, когда враг свободно может распоряжаться всеми своими войсками. Репрессии и террор для защиты партизана обещаются, этим грозят врагу. Короче говоря, здесь налицо род Magna Carta партизанства. В трёх местах недвусмысленно ссылаются на Испанию и герилью как на «образец и пример». Борьба оправдывается как борьба в пределах самообороны, которая «освящает все средства», также и высвобождение тотального беспорядка.

Я уже говорил, что дело не дошло до немецкой партизанской войны против Наполеона. Сам эдикт о ландштурме уже три месяца спустя, 17 июля 1813 года, был изменён и очищен от всякой партизанской опасности, от всякой ахеронтской динамики. Всё последующее развёртывалось в боях регулярных армий, если даже динамика национального импульса и проникла в регулярный отряд. Наполеон мог похвастаться тем, что за многие годы французской оккупации на немецкой земле ни одно немецкое гражданское лицо не сделало ни одного выстрела во французский мундир.

Итак, в чём же состоит особенное значение того недолго существовавшего прусского распоряжения 1813 года? В том, что оно является официальным документом легитимации партизана национальной обороны, а именно особой легитимации, вышедшей из духа и из философии, которые царили в тогдашней прусской столице Берлине. Испанская герилья против Наполеона, тирольское восстание 1809 года и русская партизанская война 1812 года были стихийными, автохтонными движениями набожного, католического или православного народа, чья религиозная традиция не была затронута философским духом революционной Франции и была в этом отношении слаборазвита. В особенности испанцев Наполеон называл в возмущённом письме к своему гамбургскому генерал-губернатору Davout (2 декабря 1811 года) убивающим из-за угла, суеверным народом, который обманывают 300 000 монахов, - этот народ нельзя сравнивать с прилежными, трудолюбивыми и разумными немцами. Напротив, Берлин 1808-1813 годов был создан и отчеканен духом, которому была абсолютно поверена философия французского Просвещения, так поверена, что он мог чувствовать себя взросшим на ней, если не превосходящим её.

Иоганн Готлиб Фихте, великий философ; такие высокообразованные и гениальные военные, как Шарнхорст, Гнейзенау и Клаузевиц; такой поэт, как прежде упомянутый, в ноябре 1811 года умерший Генрих фон Клейст, - они характеризуют огромный духовный потенциал готовой тогда в критическое мгновение к действию прусской интеллигенции. Национализм этой берлинской интеллигентской прослойки был уделом образованных людей, а не простого или вовсе неграмотного народа. В такой атмосфере, когда объединились возбуждённое национальное чувство с философским образованием, был философски открыт партизан и его теория стала исторически возможна. То, что к этому союзу относится и учение о войне, показывает письмо, написанное Клаузевицом как «анонимным военным» в 1809 году из Кёнигсберга Фихте как «создателю сочинения о Макиавелли». В этом письме прусский офицер со всем возможным почтением наставляет знаменитого философа в том, что учение о войне Макиавелли слишком зависимо от античности и что сегодня «бесконечно больше выигрывают оживлением индивидуальных

сил, чем искусственной формой». Новые орудия и массы, говорит в этом письме Клаузевиц, вполне соответствуют этому принципу, и, в конце концов, решает мужество одиночки вступить в ближний бой, «особенно в самой прекрасной из всех войн, которую народ ведёт на своей собственной земле за свободу и независимость».

Молодой Клаузевиц знал партизана из прусских планов восстания 1808/13 годов. В 1810-1811 годах Клаузевиц читал в Берлинском военном училище лекции о малой войне и был не только одним из самых значительных военных знатоков малой войны в специальном смысле использования лёгких, мобильных отрядов. Герилья стала для него, как и для других реформаторов его круга «прежде всего в высшем смысле политическим делом прямо-таки революционного характера. Выступление в защиту вооружения народа, восстания, революционной войны, сопротивления и мятежа против существующего порядка, даже если оно олицетворяется чужим оккупационным режимом – это для Пруссии новое явление, нечто “опасное” – то, что как бы выпадает из сферы правового государства». Этими словами Werner Hahlweg схватывает важную для нас суть. Но тут же он добавляет: «Правда, революционной войны против Наполеона, как она представлялась прусским реформаторам, не велось. Дело дошло лишь до «полу-мятежной (halb-insurrektionellen) войны», как сказал Фридрих Энгельс. Тем не менее, знаменитый меморандум февраля 1812 года остаётся важным для «внутренних побуждений» (Rothfels) реформаторов; Клаузевиц сочинил его при помощи Гнейзенау и Боуен перед тем, как перейти к русским. Он является «документом трезвого политического и сделанного в соответствии со стандартами генерального штаба анализа», ссылаясь на опыты испанской народной войны и желает спокойно довести дело до того, чтобы «ответить на жестокость жестокостью, на насилие – насилием». Здесь уже ясно узнаётся прусский эдикт о ландштурме апреля 1813 года.

Клаузевица должно было тяжело разочаровать то, что всё, чего он ожидал от восстания, «не состоялось». Народную войну и партизан – «партийцев» как говорит Клаузевиц – он осознал как существенную часть «сил, взрывающихся на войне» и вставил в систему своего учения о войне. Особенно в 6 книге своего учения о войне (объём средств обороны) и в знаменитой главе 6-й восьмой книги (война – инструмент политики) он также признал новую «потенцию». Кроме того, у него можно найти удивительные, глубокие отдельные замечания, как, например, место о гражданской войне в Вандее: что иногда некоторое малое количество отдельных партизан могут даже «претендовать на название армия». И тем не менее в общем он остаётся реформаторски настроенным кадровым офицером регулярной армии своей эпохи, который не мог сам до последней последовательности дать расцвести тем росткам, которые здесь становятся видимы. Это, как мы увидим, произошло гораздо позже, и для этого потребовался активный профессиональный революционер. Клаузевиц сам мыслил ещё слишком в классических категориях, когда он в «странной тройственности войны» присваивал народу только «слепой инстинкт» ненависти и вражды, полководцу и его войску – «мужество и талант» как свободное действие души, а правительству – чисто рассудочное манипулирование войной как инструментом политики.

В том недолго существовавшем прусском эдикте о ландштурме апреля 1813 года концентрируется мгновение, в которое партизан впервые выступил в новой, решающей роли, как новая, прежде не признававшаяся фигура мирового духа. Не воля к восстанию храброго, воинственного народа, но образование и интеллигенция открыли партизану эту дверь и сообщили ему легитимность, основанную на философском базисе. Здесь он стал, если мне будет позволено так высказаться, философски аккредитован и получил доступ ко двору. Прежде этого не было. В 17 веке он опустился до уровня персонажа плутовского романа; в 18 веке, во время Марии Терезии и Фридриха Великого, он был пандуром и гусаром. Но теперь, в Берлине 1808-1813 годов, его открыли и оценили не только в военно-техническом, но и в философском смысле. По крайней мере на одно мгновение он обрёл историческое положение и духовное посвящение. Это было событием, которое он не смог опять забыть. Это является решающим для нашей темы. Мы говорим о теории партизана. Что ж, политическая, превышающая специально военные классификации, теория партизана стала, собственно говоря, возможна только благодаря этой аккредитации в Берлине. Искра, попавшая в 1808 году из Испании на север, нашла в Берлине теоретическую форму, которая дала возможность сохранить её горение и передать её дальше в другие руки.

Правда, вначале тогда и в Берлине традиционное благочестие народа также не было под угрозой, как и политическое единство короля и народа. Оно, казалось, даже скорее усилилось, чем подверглось опасности, благодаря подтверждению присягой и прославлению партизана. Ахеронт, которого высвободили, сразу возвратился в каналы государственного порядка. После войн за освобождение Германии 1813-1815гг. в Пруссии доминировала философия Гегеля. Она пыталась создать посредничество между революцией и традицией. Она могла считаться консервативной и была таковой в самом деле. Но она законсервировала и революционную искру и благодаря своей философии истории предоставила развивающейся дальше революции опасное идеологическое оружие, более опасное, чем философия Руссо в руках якобинцев. Это историко-философское оружие попало в руки Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Однако оба немецких революционера были в большей степени мыслителями, чем активистами революционной войны. Только благодаря русскому профессиональному революционеру – Ленину – марксизм как доктрина стал всемирно-исторической властью (Macht), которую он сегодня собой представляет.

От Клаузевица к Ленину.

Ганс Шомерус, которого мы уже цитировали как специалиста в области партизанства, дал одному разделу своих (ставших мне доступными в манускрипте) рассуждений название: От Empecinado к Будённому. Это значит: от партизана испанской герильи против Наполеона к организатору советской кавалерии, вождю конницы большевистской войны 1920 года. В таком названии просвечивает интересная военно-научная линия развития. Однако для нас, имеющих ввиду теорию партизана, оно слишком сильно обращает внимание на военно-технические вопросы тактики и стратегии гибкой (beweglichen)

войны. Мы должны не упускать из виду развитие понятия политического, которое как раз здесь совершает радикальный поворот. Классическое, зафиксированное в 18/19 веках понятие политического было основано на государстве европейского международного права и сделало войну классического международного права оберегаемой в международно-правовом смысле, чистой войной государств. С 20 века эта война государств с её обереганиями устраняется и заменяется революционной войной партий. По этой причине мы озаглавили нижеследующее изложение От Клаузевица к Ленину. Правда здесь – по сравнению с военно-специально-научным сужением [темы] – заключена в известном смысле противоположная опасность, что мы увлечёмся историко-философскими дедукциями и запутаемся в ветвях генеалогического древа.

Партизан здесь – надёжная точка наводки оружия, поскольку он может уберечь от таких всеобщих философско-исторических генеалогий и способен привести назад в действительность революционного развития. Карл Маркс и Фридрих Энгельс уже осознали, что революционная война сегодня не является баррикадной войной старого стиля. Особенно это вновь и вновь подчёркивал Энгельс – автор многих военно-научных сочинений. Но он считал возможным, что буржуазная демократия с помощью всеобщего избирательного права предоставит пролетариату большинство в парламенте и таким образом легально переведёт буржуазный общественный строй в бесклассовое общество. Вследствие этого и совершенно непартизанский ревизионизм мог апеллировать к Марксу и Энгельсу.

Напротив, Ленин был тем, кто осознал неизбежность насилия и кровавых революционных гражданских войн и войн государств и потому одобрил и партизанскую войну как необходимую составную часть общего революционного процесса. Ленин был первым, кто вполне осознанно постиг партизана как важную фигуру национальной и интернациональной гражданской войны и пытался превратить его в действенный инструмент центрального коммунистического партийного руководства. Насколько я могу судить, впервые это произошло в статье Партизанская битва, вышедшей 30 сентября/13 октября 1906 года в русском журнале «Пролетарий». Это ясное продолжение познания о враге и вражде, которое начинается в 1902 году в сочинении «Что делать?» прежде всего с поворотом против объективизма Струве. С этого «последовательно начался профессиональный революционер».

Ленинская статья о партизане касается тактики социалистической гражданской войны и обращена против распространённого в то время среди социал-демократов мнения, что пролетарская революция сама собой достигнет своей цели как массовое движение в парламентских странах, так что методы прямого применения силы якобы устарели. Для Ленина партизанская война относится к методу гражданской войны и касается, как и всё остальное, чисто тактического или стратегического вопроса конкретной ситуации. Партизанская война – это, как говорит Ленин, «неизбежная форма борьбы», которую используют без догматизма или заранее намеченных принципов так же, как должно пользоваться другими, легальными или нелегальными, мирными или насильственными, регулярными или нерегулярными средствами и

методами, судя по ситуации. Цель – коммунистическая революция во всех странах мира; то, что служит этой цели, хорошо и справедливо. Вследствие этого очень просто решается проблема партизана: руководимые коммунистическим центром партизаны являются борцами за мир и доблестными героями; партизаны, которые уклоняются от этого руководства, являются анархическим сбродом и врагами человечества.

Ленин был большим знатоком и поклонником Клаузевица. Он интенсивно штудировал книгу О войне во время первой мировой войны в 1915 году и заносил в свою Тетрадку выписки из неё на немецком языке, заметки на полях на русском, с подчёркиваниями и восклицательными знаками. Таким образом он создал один из самых грандиозных документов мировой истории и истории духа. Из основательного рассмотрения этих выписок, заметок на полях, подчёркиваний и восклицательных знаков можно развить новую теорию об абсолютной войне и абсолютной вражде, которая определяет эпоху революционной войны и методы современной холодной войны. То, чему Ленин мог научиться у Клаузевица и что он основательно выучил, – это не только знаменитая формула о войне как о продолжении политики. Это дальнейшее познание, что различие друга и врага в эпоху революции является первичным и первенствующим и определяет как войну, так и политику. Для Ленина только революционная война является подлинной войной, поскольку она происходит из абсолютной вражды. Всё остальное – условная игра.

Различие между Krieg (война) и Spiel (игра) Ленин сам особенно подчёркивает в заметке на полях к одному месту 23 главы книги 11 (“Schlüssel des Landes”). В логике этого различия совершается решающий шаг, который ломает те оберегания, которые удалось сделать войне государств континентального европейского международного права в 18 веке, которые настолько успешно реставрировал Венский конгресс 1814/15 годов, что они сохранились до конца первой мировой войны и об устранении которых и Клаузевиц ещё по-настоящему не думал. По сравнению с войной абсолютной вражды проистекающая согласно признанным правилам, оберегаемая война классического европейского международного права – уже не больше чем дуэль между имеющими право искать удовлетворения кавалерами. Такому воодушевлённому абсолютной враждой коммунисту как Ленин подобный род войны должен был представляться только игрой, в которой он, судя по положению дела, участвовал, чтобы ввести врага в заблуждение, но которую он по существу презирал и находил смешной.

Война абсолютной вражды не знает никакого оберегания. Последовательное осуществление абсолютной вражды придаёт войне её смысл и её справедливость. Итак, вопрос только в том: имеется ли абсолютный враг и кто это *in concreto*? Ленин ни минуты не сомневался в ответе, и его преимущество перед всеми остальными социалистами и марксистами состояло в том, что он всерьёз принимал абсолютную вражду. Его конкретный абсолютный враг был классовый враг, буржуа, западный капиталист и его общественный строй в каждой стране, где он господствовал. Знание врага было тайной чудовищной ударной силы Ленина. Его понимание партизана покоилось на том, что современный партизан стал подлинно нерегулярным явлением и, тем самым,

сильнейшим отрицанием наличествующего капиталистического порядка и на том, что он был призван как подлинный исполнитель вражды.

Нерегулярность партизана сегодня относится не только к военной «линии», как тогда, в XVIII веке, когда партизан был только «лёгким, подвижным отрядом», и она также больше не относится к гордо выставленной напоказ униформе регулярного отряда. Нерегулярность классовой борьбы ставит под вопрос не только линию, но и всё здание политического и социального порядка. В лице русского профессионального революционера Ленина эта новая действительность осмыслила себя до философского осознания. Союз философии с партизаном, который заключил Ленин, высвободил неожиданно новые, взрывные силы. Этот союз вызвал, по меньшей мере, подрыв всего европоцентристского мира, который надеялся спасти Наполеон и который надеялся реставрировать Венский конгресс.

Оберегание межгосударственной регулярной войны и укрощение внутригосударственной гражданской войны стали настолько само собою разумеющимися для европейского XVIII века, что и умные люди старого режима (Ancien Regime) не могли представить себе разрушение этого рода регулярности, даже после опытов французской революции 1789 и 1793 годов. Для этого они находили только язык всеобщего ужаса и недостаточные, по сути дела детские сравнения. Великий, смелый мыслитель старого режима (Ancien Regime), Жозеф де Местр, прозорливо предвидел, о чём шла речь. В письме, написанном летом 1811 года, он считал Россию созревшей для революции, но он надеялся, что это будет, как он говорит, естественная революция, но не просветенчески-европейская, наподобие французской. Чего он более всего опасался, так это образованного Пугачёва. Так он выразился, чтобы образно показать, что он правильно познал как собственно Опасное, именно союз философии со стихийными силами восстания. Кем был Пугачёв? Вождём крестьянского и казацкого восстания против Екатерины 2-й, который был казнён в Москве в 1775 году и который выдавал себя за умершего мужа царицы. Образованный Пугачёв был бы тот русский, кто «начал бы революцию на европейский лад». Это дало бы целый ряд ужасных войн, и если бы дело зашло так далеко, «то у меня нет слов, чтобы сказать Вам, чего бы тогда следовало опасаться».

Видение умного аристократа удивительно, как в том, что оно видит, именно возможность и опасность соединения западного ума с русским бунтом, так и в том, чего оно не видит. Со своей временной датой и местом – Санкт-Петербург лета 1811 года – оно находится неподалёку от прусских военных реформаторов. Но оно ничего не замечает в отношении своей собственной близости к стремящимся к реформам кадровым офицерам прусского генерального штаба, чьи контакты с царским двором в Санкт-Петербурге были все же достаточно интенсивны. Оно ничего не подозревает о Шарнхорсте, Гнейзенау и Клаузевице. Если скомбинировать их имена с именем Пугачёва, то суть дела фатальным образом была бы упущена. Глубокомыслие значительного видения пропадает, и остаётся только острое словцо в стиле Вольтера или, если угодно, Rivalor. Если ещё подумать о союзе гегелевской философии истории с высвобожденными силами масс, как его осознанно осуществил марксистский профессиональный

революционер Ленин, тогда формулировка гениального де Местра рассеивается до маленького разговорного эффекта передних Ancien Regime. Язык и мир понятий оберегаемой войны и дозированной вражды уже не могли соответствовать наступлению абсолютной вражды.

От Ленина к Мао Цзэ-Дуну.

Во время Второй мировой войны русские партизаны после оценки экспертов отвлекли на себя примерно двадцать немецких дивизий и тем самым внесли существенный вклад в исход войны. Официальная советская историография – как, например, книга Бориса Семёновича Тельпуховского о Великой Отечественной войне 1941/45 годов – описывает доблестного партизана, который разрушает тыл вражеских армий. На огромных пространствах России и при бесконечно длинных фронтах, растянувшихся на тысячи километров, каждая дивизия была для немецкого военного командования незаменима. Основная точка зрения Сталина относительно партизана сводилась к тому, что партизан всегда должен сражаться в тылу врага, согласно известной максиме: в тылу партизаны, на фронте братство.

Сталину удалось связать сильный потенциал национального и отечественного сопротивления – итак существенно оборонительную, теллурическую силу патриотической самозащиты от чужого завоевателя – с агрессивностью интернациональной коммунистической мировой революции. Соединение этих двух гетерогенных величин господствует в сегодняшней партизанской борьбе на всей планете. При этом коммунистический элемент до сих пор был большей частью в выигрыше уже благодаря своей целеустремлённости и своей опоре на Москву или Пекин. Сталин жестоко пожертвовал польскими партизанами, сражавшимися во время Второй мировой войны против немцев. Партизанские сражения в Югославии в 1941/45 годах были не только общей национальной защитой от чужого завоевателя, но являлись так же весьма brutальными внутренними сражениями между коммунистическими и монархическими партизанами. В этой братоубийственной борьбе коммунистический вождь партизан Тито победил и уничтожил с помощью Сталина и Англии своего внутриюгославского врага, поддерживаемого англичанами генерала Михайловича.

Величайший практик революционной войны современности стал одновременно её самым знаменитым теоретиком: Мао Дзэ-дун. Некоторые из его трудов являются «сегодня обязательной литературой для чтения в западных военных училищах» (Hans Henle). Он уже с 1927 года собирал опыты коммунистического действия и потом использовал японское вторжение 1932 года для того, чтобы систематически развивать все современные методы одновременно национальной и интернациональной гражданской войны. «Долгий марш», от южного Китая до монгольской границы, начавшийся в ноябре 1934 года, 12000 километров с огромными потерями, был рядом партизанских достижений и партизанских опытов, в результате которых коммунистическая партия Китая сплотилась в крестьянскую и солдатскую партию, с партизаном как центром. Многозначительное совпадение заключается в том, что Мао Дзэ-дун

создал свои важнейшие труды в 1936-38 годы, итак в те же самые годы, когда Испания в национальной освободительной войне сопротивлялась интернациональному коммунистическому охвату. В этой испанской гражданской войне партизан не играл никакой значительной роли. Напротив, Мао Дзэ-дун обязан победой над своим национальным противником, Кuo-min-tang и генералом Чан Кай-ши, исключительно опытам китайской партизанской войны против японцев и Кuo-min-tang.

Важнейшие для нашей темы формулировки Мао Дзэ-дуна находятся в работе 1938 года «Стратегия партизанской войны против японского вторжения». Но необходимо привлечь и другие работы Мао, чтобы полно представить себе картину учения о войне этого нового Клаузевица. Речь на деле идёт о последовательном и систематически-осознанном продолжении и развитии понятий прусского офицера генерального штаба. Только Клаузевиц, современник Наполеона 1-го, ещё не мог предвидеть степень тотальности, которая сегодня само собой разумеется для китайца-коммуниста в отношении революционной войны. Характерный образ Мао Дзэ-дуна явствует из следующего сравнения: «В нашей войне вооружённое население и малую войну партизан, с одной стороны, и Красную армию, с другой стороны, можно сравнить с обеими руками одного человека; или, выражаясь более практично: мораль населения является моралью вооружённой нации. А этого враг боится».

«Вооружённая нация»: это, как известно, было также девизом кадровых офицеров прусского генерального штаба, которые организовывали войну против Наполеона. К ним принадлежал Клаузевиц. Мы видели, что тогда сильные национальные энергии определённого образованного слоя населения были подхвачены регулярной армией. И самые радикальные военные мыслители того времени различают между войной и миром и рассматривают войну как ясно отграниченное от мира чрезвычайное положение. И Клаузевиц не мог исходя из своего существования в качестве кадрового офицера регулярной армии так систематически до конца довести логику партизанства, как это удалось сделать Ленину и Мао исходя из своего существования в качестве профессиональных революционеров. Но у Мао в отношении партизанства добавляется ещё конкретный момент, благодаря чему он ближе подходит к внутренней сути дела, чем Ленин и благодаря чему он обретает возможность крайнего идейного совершенства. Одним словом: революция Мао в большей степени теллурически фундирована, чем революция Ленина. Большевистский авангард, который под руководством Ленина захватил власть в России в октябре 1917 года, обнаруживает большие различия с китайскими коммунистами, которые после больше чем двадцатилетней войны в 1949 году получили в руки Китай. Эти различия проявляются как во внутренней групповой структуре, так и в отношении к стране и народу, которые они захватили. Идеологический спорный вопрос о том, учит ли Мао настоящему марксизму или ленинизму, становится перед лицом ужасающей действительности, определяемой теллурическим партизанством, почти так же второстепенен, как и вопрос о том, не выражали ли старые китайские философы уже нечто похожее на маоизм. Речь идёт о конкретной «красной элите», отчеканенной и созданной партизанской борьбой. Ruth Fischer прояснила существенное – она указывает на то, что русские большевики 1917 года были национальным

меньшинством «ведомым группой теоретиков, большинство которой состояло из эмигрантов»; китайские коммунисты 1949 года под руководством Мао и его друзей в течение двадцати лет боролись на собственной, национальной почве с национальным противником, Куо-мин-танг, на базе ужасающей партизанской войны. Может быть, что по своему происхождению они были городским пролетариатом, как и русские большевики родом из Петербурга и Москвы; но когда они пришли к власти, они принесли с собой отчеканенные опыты тяжелейших поражений и организаторскую способность «высадить» свои принципы «в крестьянской среде и развить их там дальше на новый, непредвиденный лад». Здесь налицо глубочайший росток «идеологических» разногласий между советско-русским и китайским коммунизмом. Но здесь обнаруживается и внутреннее противоречие в ситуации самого Мао, совмещающее в себе лишённого пространства, глобально-универсального, абсолютного всемирного врага, марксистского классового врага, с территориально могущим быть ограниченным, настоящим врагом китайско-азиатской обороны от капиталистического колониализма. Это противоречие One World, политического единства земли и человечества, против большинства больших пространств, которые разумно уравновешены внутри самих себя и между собою. Плюралистическое представление о новом номосе Земли Мао высказал в стихотворении Kunlun (немецкий перевод Rolf Schneider):

*Если бы небо было местом обитания военных,
Тогда я обнажил бы мой меч
И разрубил бы тебя на три части:
Одну – как подарок Европе,
Одну – для Америки,
Но одну часть оставил бы для Китая,
И мир воцарился бы на Земле.*

В конкретном положении Мао встречаются различные виды вражды, которые усиливаются до вражды абсолютной. Расовая вражда против белого, колониального эксплуататора; классовая вражда против капиталистической буржуазии; национальная вражда против японского интервента той же расы; растущая в долгих, ожесточённых гражданских войнах вражда против собственного, национального брата – всё это не парализовало и не ставило под сомнение друг друга, как можно было бы думать, но подтверждалось и интенсифицировалось в конкретном положении дел. Сталину во время Второй мировой войны удалось соединить теллурическое партизанство национальной родной земли с классовой враждой интернационального коммунизма. Мао опередил в этом Сталина. Мао и в своём теоретическом сознании продолжил формулу о войне как о продолжении политики, минуя Ленина.

Мыслительная операция, основная у Мао, является точно так же простой, как и боеспособной. Смысл войны – это вражда. Поскольку война есть продолжение политики, то и политика всегда обретает, по крайней мере, как возможность, элемент вражды; и поскольку мир содержит в себе возможность вражды – что, к сожалению, является опытно подтверждённым фактом – то и он содержит момент потенциальной вражды. Вопрос лишь в том, может ли вражда быть оберегаема и регламентирована, то есть является ли она относительной или абсолютной

враждой. Это может решить на свой страх и риск только сама воюющая сторона. Для Мао, думающего попартизански, сегодняшний мир является только формой проявления настоящей вражды. Она не прекращается и во время так называемой холодной войны. Последняя, следовательно, не является наполовину войной и наполовину миром, но является приспособленным к положению вещей участием настоящей вражды с другими открыто насильственными средствами. В этом могут обманываться только слабовольные люди и мечтатели.

Практически отсюда вытекает вопрос, в каком количественном отношении стоит бой регулярной армии в открытой войне к иным методам классовой борьбы, которые не являются открыто военными. На этот вопрос Мао отвечает ясными цифрами: революционная война на девять десятых **неоткрытая, нерегулярная** война, и на одну десятую открытая война военных. Немецкий генерал, Helmut Staedke, на этом основании вывел определение партизана: партизан – это борец указанных девяти десятых ведения войны, которое предоставляет лишь последнюю десятую часть регулярным вооружённым силам. Мао Цзэ-дун ничуть не упускает из виду, что эта последняя десятая часть является решающей для конца войны. Однако европейцу, принадлежащему старой традиции нужно именно здесь уберечься от того, чтобы использовать общепринятые классические понятия о войне и мире, которые, если говорят о войне и мире, подчинены европейской оберегаемой войне 19 века и, следовательно, не абсолютной, но лишь относительной и поддающейся обереганию вражде.

Регулярная Красная Армия появляется только тогда, когда ситуация созрела для коммунистического режима. Только тогда страна открыто бывает занята военными. Это конечно не относится к заключению мира в смысле классического международного права. Практическое значение подобного рода доктрины с 1945 года очень убедительно демонстрируется всему миру благодаря разделу Германии. 8 мая 1945 года война военных против покорённой Германии прекратилась; Германия тогда безоговорочно капитулировала. До сих пор (1963 год) ещё не заключён мир между союзниками-победителями с Германией; но до сегодняшнего дня граница протекает между Востоком и Западом точно по тем линиям, по которым 18 лет назад американские и советские регулярные воинские части разграничили свои оккупационные зоны.

Как отношение (выраженное в цифрах 9:1) холодной войны и открытой войны военных, так и более глубокая, всемирно-политическая симптоматика раздела Германии с 1945 года являются для нас только примерами, чтобы разъяснить политическую теорию Мао. Её сердцевина заключена в партизанстве, чей основной признак сегодня – это настоящая вражда. Большевицкая теория Ленина познала и признала партизана. По сравнению с конкретной теллурической действительностью китайского партизана у Ленина в определении врага есть нечто абстрактно-интеллектуальное. Идеологический конфликт между Москвой и Пекином, который всё сильнее проявлялся с 1962 года, имеет свой глубочайший источник в этой конкретно-различной действительности истинного партизанства. Теория партизана оказывается и здесь ключом к познанию политической действительности.

От Мао Цзэ-Дуна к Раулю Салану.

Славу Мао Цзэ-дуна как самого современного учителя ведения войны французские кадровые офицеры принесли из Азии в Европу. В Индокитае колониальная война старого стиля соприкоснулась с революционной войной современности. Там они узнали на собственной шкуре ударную силу хорошо продуманных методов разрушающего ведения войны, психологического массового террора и их связь с партизанской войной. Исходя из своих опытов, они разработали доктрину психологической, разрушающей и повстанческой войны, о которой уже имеется обширная литература.

Хотели увидеть в этом типичный продукт образа мыслей кадровых офицеров, а именно полковников, *Colonels*. Об этом прикомандировании к *Colonel* здесь не нужно далее спорить, хотя, быть может, было бы интересно поставить вопрос, не соответствует ли и такая фигура как Клаузевиц в целом скорее духовному типу полковника, а не генерала. Для нас речь идёт о теории партизана и её последовательном развитии, а последнее воплощается в сенсационном конкретном случае последних лет скорее в генерале, чем в полковнике, а именно в судьбе генерала Рауля Салана. Он (больше, чем другие генералы *Jouhaud*, *Challe* или *Zeller*) является важнейшей для нас фигурой этого контекста. В откомандированной позиции генерала раскрылся решающий для познания проблемы партизана экзистенциальный конфликт, который должен наступить, когда регулярно сражающийся солдат не только при случае, но длительное время в надолго рассчитанной войне должен выдерживать бой с принципиально революционно и нерегулярно сражающимся врагом.

Салан уже будучи молодым офицером узнал колониальную войну в Индокитае. Во время мировой войны 1940/44 годов он был прикомандирован к генеральному штабу колоний и оставался в этом качестве в Африке. В 1948 году он как комендант французских воинских частей прибыл в Индокитай; в 1951 году он стал высшим комиссаром Французской Республики в Северном Вьетнаме; он руководил исследованием поражения *Dien-Bien-Phu* в 1954 году. В ноябре 1958 года он был назначен высшим комендантом французских вооружённых сил в Алжире. До сих пор политически его можно было причислить к левым, и ещё в январе 1957 года одна тёмная организация, которую по-немецки можно назвать, вероятно, «фемгерихт» (*Fehme*), совершила на него опасное покушение. Но уроки войны в Индокитае и опыты алжирской партизанской войны повлияли на то, что он познал неумолимую логику партизанской войны. Шеф тогдашнего парижского правительства, *Pflimlin*, дал ему все полномочия. Однако 15 мая 1958 года он в решающий момент способствовал приходу к власти генерала *de Gaulle*. Во время публичного мероприятия в Алжире он крикнул *Vive de Gaulle!* Но вскоре он горько разочаровался в своём ожидании, что *de Gaulle* будет безусловно защищать гарантированный в конституции, территориальный суверенитет Франции над Алжиром. В 1960 году началась открытая вражда с *de Gaulle*. В январе 1961 года некоторые из друзей Салана основали *OAS* (*Organisation d'Armee Secrete*), чьим декларированным шефом стал Салан, и он 23 апреля поспешил в Алжир принять участие в офицерском путче. Когда этот путч уже 25 апреля 1961

года окончился провалом, OAS пробовало предпринять планомерные террористические акции, как против алжирского врага, так и против гражданского населения в Алжире и населения в самой Франции; планомерные в смысле методов так называемого психологического ведения войны современного массового террора. Террористическое предприятие претерпело решающую потерю в апреле 1962 года, с арестом Салана французской полицией. Слушание дела Высшим военным судом в Париже началось 15 мая и закончилось 23 мая 1962 года. Обвинение касалось попытки насильственного свержения легального режима и террористических актов OAS, и охватывало только период времени с апреля 1961 года до апреля 1962 года. Его приговорили не к смертной казни, но к пожизненному заключению (*detention criminelle a perpetuite*), поскольку суд признал за обвиняемым смягчающие вину обстоятельства.

Я кратко напомнил немецкому читателю некоторые даты. Ещё не существует истории Салана и OAS, и нам не следует вмешиваться со своими оценками и суждениями в такой глубокий, внутренний конфликт французской нации. Мы можем здесь лишь установить некоторые линии из материала, насколько он опубликован⁴¹, чтобы прояснить наш важный вопрос. Здесь напрашиваются многие параллели, касающиеся партизанства. Мы ещё возвратимся к одной из них, из чисто эвристических причин и со всей необходимой осторожностью. Аналогия между впечатлёнными испанской герильей прусскими офицерами генерального штаба 1808/13 годов и французскими генштабистами 1950/60 годов, которые опытно познали современную партизанскую войну в Индокитае и в Алжире, является ошеломляющей. Большие различия также очевидны и не требуют длинного изложения. Существует сродство в главной ситуации и во многих отдельных судьбах. Но это не должно абстрактно утрировать в том смысле, что можно отождествить все теории и конструкции побеждённых военных в мировой истории. Это было бы чепухой. И в случае с прусским генералом Людендорфом ситуация во многих существенных пунктах иная, чем в случае с лево-республиканцем Саланом. Для нас важно только прояснение теории партизана.

Во время слушания дела Высшим военным судом Салан молчал. Вначале слушания он сделал длинное объяснение, первые слова которого звучали так: *Je suis le chef de l'OAS. Ma responsabilité est donc entière*. В объяснении он возражал против того, что свидетели, которых он представил – в том числе президент de Gaulle – не были допрошены, и что материал процесса ограничили временем с апреля 1961 года (офицерский путч в Алжире) по апрель 1962 года (арест Салана), благодаря чему его собственные мотивы были затуманены и важные исторические процессы были изолированы, были отгорожены и редуцированы к типам и фактам нормального уголовного кодекса. Акты насилия OAS он называл просто ответом на ненавистнейший из всех актов насилия, который заключён в том, что люди, которые не хотят потерять свою нацию, эту нацию оберегают. Объяснение закончилось словами: «Я должен дать отчёт только тем, кто страдают и умирают за то, что они верили в нарушенное слово и в преданный долг. Теперь я буду молчать».

Салан сохранял своё молчание действительно во время всего слушания, наперекор многим, резко настойчивым вопросам обвинителя,

который считал это молчание просто тактикой. Председатель Высшего военного суда после краткого указания на «нелогичность» подобного молчания рассматривал поведение обвиняемого в конце концов если не с уважением, то терпимо и не как *contempt of court*. В конце слушания Салан ответил на вопрос председателя о том, не желает ли он добавить что-нибудь в свою защиту: «Я открою рот только для того, чтобы крикнуть *Vive la France!*, а представителю обвинения я отвечу просто: *que Dieu me garde!*»

Первая часть этого заключительного замечания Салана обращена к председателю Высшего военного суда и имеет в виду ситуацию приведения в исполнения приговора о смертной казни. В этой ситуации, в момент смертной казни, Салан бы крикнул: *Vive la France!* Вторая часть обращена к представителю общественного обвинения и звучит несколько таинственно, как слова оракула. Однако дело проясняет то, что обвинитель – таким образом, какой для прокурора всё же ещё антиклерикального государства не является заурядным – стал вдруг религиозным. Он не только объявил молчание Салана высокомерием и отсутствием покаяния, чтобы выступить перед судом против признания смягчающих вину обстоятельств; он вдруг стал говорить, как он категорически выразился, как «христианин христианину», *un chretien qui s'adresse a un chretien*, и упрекал подсудимого в том, что тот благодаря отсутствию покаяния по собственной вине лишился милости милосердного христианского Бога и навлек на себя вечное проклятие. На это Салан сказал: *que Dieu me garde!* Видны бездны, над которыми разыгрываются остроумие и риторика политического процесса. Однако для нас речь не идёт о проблеме политической юстиции. Нас интересует только прояснение комплекса вопросов, которые благодаря таким девизам как тотальная война, психологическая война, подрывная война, повстанческая война, невидимая война пришли в замешательство и изменяют проблему современного партизанства.

Война в Индокитае 1946/56 годов была «образцом широко развёрнутой современной революционной войны» (Th. Arnold, a. a. O., S. 186). Салан узнал современную партизанскую войну в лесах, джунглях и на рисовых полях Индокитая. Он узнал на собственном опыте, что индокитайские возделыватели риса могли обратить в бегство батальон первоклассных французских солдат. Он видел бедствие беженцев и узнал организованную Хо Ши Мином подпольную организацию, которая перекрывала и переигрывала легальное французское правление. С пунктуальностью и точностью генштабиста он принялся за наблюдение и исследование нового, более или менее террористического ведения войны. При этом он сразу же столкнулся с тем, что он и его товарищи называли «психологическим» ведением войны, которое наряду с военнотехническим действием свойственно современной войне. Здесь Салан мог сразу перенять систему мыслей Мао; но известно, что он также углубился в литературу об испанской герилье против Наполеона. В Алжире он находился в центре ситуации, когда 400 000 хорошо вооружённых солдат боролись против 20 000 алжирских партизан, с тем результатом, что Франция отказалась от своего суверенитета над Алжиром. Потери в человеческих жизнях у всего алжирского населения были в десять – двадцать раз больше, чем у французов, но материальные затраты французов были в десять-двадцать раз выше, чем у алжирцев. Короче

говоря, Салан действительно находился со всей своей экзистенцией как француз и солдат перед лицом *etrange paradoxe*, в логике безумия (*Irrsinnslogik*), которая могла ожесточить и привести к попытке контрудара мужественного и интеллигентного человека.

Аспекты и понятия последней стадии.

Мы пытаемся различить в подобной, типичной для современной партизанской войны ситуации четыре разных аспекта, чтобы приобрести некоторые ясные понятия: аспект пространства, потом разрушение социальных структур, далее переплетение во всемирно-политических контекстах, и, наконец, технически-индустриальный аспект. Эта последовательность относительна и её можно изменить. Само собой понятно, что в конкретной действительности представлены не четыре друг от друга независимых области, которые можно изолировать, но только их интенсивные взаимодействия, их взаимные функциональные зависимости выявляют общую картину, так что любой разбор одного аспекта одновременно всегда содержит ссылки и импликации трёх других аспектов и наконец все они выливаются в силовое поле технически-индустриального развития.

Аспект пространства.

Совершенно независимо от доброй или злой воли людей, от мирных или воинственных надобностей и целей, каждое возрастание человеческой техники продуцирует новые пространства и необозримые изменения унаследованных структур пространства. Это действительно не только для внешних, бросающихся в глаза увеличений пространства космонавтики, но и для наших старых земных пространств обитания, работы, культа и пространства свободы действий. Тезис «жилище неприкосновенно» вызывает сегодня, в эпоху электрического освещения, газопроводов, телефона, радио и телевидения, совершенно иной тип оберегания чем во времена King John (короля Иоанна Безземельного) и Magna Charta (Великой хартии вольностей) 1215 года, когда хозяин замка мог поднять подъёмный мост. О техническое возрастание человеческой эффективности ломаются целые системы норм как, например, морское право войны 19 века. Из не имеющего владельца морского дна всплывает пространство, которое находится у побережья, так называемый континентальный шельф, как новое пространство действия человека. В не имеющих владельца глубинах Тихого океана возникают бункеры для радиоактивных отходов. Индустриально-технический прогресс вместе со структурами пространства изменяет и порядки пространства. Ибо право есть единство порядка и местоположения, а проблема партизана есть проблема отношения регулярной и нерегулярной борьбы.

Современный солдат может быть настроен относительно своей личности прогрессивно-оптимистически или –пессимистически. Для нашей проблемы это не так важно. В военно-техническом отношении любой генштабист мыслит непосредственно практически и осмысленно-рационально. По сравнению с этим, исходя из войны, аспект пространства близок ему и теоретически. Структурное различие так называемого театра военных действий в сухопутной войне и в войне на море – старая

тема. Воздушное пространство добавилось как новое измерение со времён Первой мировой войны, благодаря чему вместе с тем изменились прежние места действия (Schauplatze) земли и моря в их структуре пространства. В партизанской борьбе возникает сложно структурированное новое пространство действия, поскольку партизан борется не на открытом поле сражения и не в той же плоскости открытой войны фронтов. Он скорее заставляет вступить своего врага в другое пространство. Так он добавляет к поверхности регулярного, обычного театра военных действий другое, более тёмное измерение, измерение глубины, в котором носимая на показ униформа становится смертельно опасной. Таким образом, он ставит в области земного неожиданную, но поэтому не менее эффективную аналогию с подводной лодкой, которая точно также добавляла неожиданное измерение глубины к поверхности моря, на которой разыгрывалась морская война старого стиля. Он из подполья мешает обычной, регулярной игре на открытой сцене. Он, исходя из своей нерегулярности, изменяет измерения не только тактических, но и стратегических операций регулярных армий. Относительно малые группы партизан могут, благодаря использованию почвенных условий, связывать большие массы регулярных войск. Ранее мы упоминали "Paradox" на примере Алжира. Это уже ясно познал и точно описал Клаузевиц в уже цитированном высказывании, когда он говорит, что малое количество партизан, в чьей власти некоторое пространство, могут претендовать на «название армии».

Конкретной ясности понятия служит то, что мы придерживаемся теллурически-земного характера партизана и не называем (и даже не определяем) его в качестве корсара земли. Нерегулярность пирата никак не связана ни с какой регулярностью. Напротив, корсар добывает на море военные трофеи и снабжён «письмом» правительства государства; его тип нерегулярности как-то связан с регулярностью, и так он мог быть юридически признанной фигурой европейского международного права до Парижского мира 1856 года. В этом отношении обоих, корсара морской войны и партизана сухопутной войны, можно сравнивать. Сильная похожесть и даже тождественность проявляется прежде всего в том, что тезис «С партизанами борются только партизанским способом» и другой тезис - *a corsaire corsaire et demi* - в основе означают одно и то же. Однако сегодняшний партизан – это нечто иное, чем корсар сухопутной войны. Для этого элементарная противоположность земли и моря остаётся слишком большой. Может быть, что унаследованные различия войны, врага и трофеев, которые доныне основывали международно-правовую противоположность земли и моря, однажды просто расплавятся в тигеле индустриально-технического прогресса. Пока что партизан означает всё ещё часть настоящей почвы; он является одним из последних постов земли как ещё не полностью уничтоженной всемирно-исторической стихии.

Уже испанская герилья против Наполеона полностью раскрывается только в важном аспекте пространства этой противоположности земли и моря. Англия поддерживала испанских партизан. Морская держава пользовалась для своих больших военных предприятий нерегулярным борцом сухопутной войны, чтобы победить континентального врага. В конце концов Наполеона заставила сложить оружие не Англия, но сухопутные державы Испания, Россия, Пруссия и Австрия.

Нерегулярный, типично теллурический вид партизанской борьбы поступил на службу типично морской мировой политики, которая со своей стороны безжалостно дисквалифицировала и криминализировала любую нерегулярность на море в области права морской войны. В противоположности земли и моря конкретизируются различные виды нерегулярности, и только если мы имеем в виду конкретную особенность, обозначенные словами земля и море аспекты пространства в специфических формах их образования как понятий, только тогда аналогии позволены и плодотворны. Это действительно в первую очередь для аналогии, которая важна для нас здесь для познания аспекта пространства. А именно: аналогичным образом, как морская держава Англия в своей войне против континентальной Франции пользовалась коренным испанским партизаном, который изменял место действия сухопутной войны благодаря нерегулярному пространству; позже, во время Первой мировой войны, сухопутная держава Германия пользовалась в своей войне с морской державой Англией подводной лодкой как таким оружием, которое добавляло к прежнему пространству ведения войны на море неожиданное другое пространство. Тогдашние хозяева поверхности моря сразу же попытались дискриминировать новый вид борьбы как нерегулярное, даже преступное и пиратское средство борьбы. Сегодня, в эпоху подводных лодок с атомными ракетами каждый видит, что и то, и другое – возмущение Наполеона испанским Guerrillero и возмущение Англии по поводу немецкой подводной лодки – лежало в одной и той же плоскости, а именно в плоскости возмущения малоценного мнения перед лицом непросчитываемых изменений пространства.

Разрушение социальных структур.

Чудовищный пример разрушения социальных структур пережили французы в 1946-1956 годах в Индокитае, когда их тамошнее колониальное господство окончилось крахом. Мы уже упоминали организацию партизанской борьбы Хо Ши Мином во Вьетнаме и Лаосе. Здесь коммунисты поставили себе на службу и неполитическое гражданское население. Они руководили даже домашними слугами французских офицеров и служащих и подсобными рабочими французской службы тыла. Они взыскивали с гражданского населения налоги и совершали всякого вида террористические акты, чтобы побудить французов к анти-террору против местного населения, благодаря чему его ненависть к французам ещё более возбуждалась. Короче говоря, современная форма революционной войны ведёт ко многим новым нетрадиционным средствам и методам, чьё описание по отдельности взорвало бы рамки нашего изображения. Общество существует как *res publica*, как общественность, и оно ставится под вопрос, если в нём образуется пространство необщественности, которое действительно дезавуирует эту общественность. Быть может, этого указания будет достаточно, чтобы осознать, что партизан, которого оттеснило профессионально военное сознание 19 века, вдруг оказался в центре нового вида ведения войны, чей смысл и чья цель была в разрушении наличного социального порядка.

В изменившейся практике взятия заложников это становится осязаемо видимым. В немецко-французской войне 1870/71 годов немецкие войска, в целях своей защиты от франтирёров, брали знать населённого пункта в качестве заложников: бургомистр, священник, врачи и нотариусы. Почтение к таким уважаемым людям и к знати могло быть использовано для того, чтобы оказывать давление на всё население, поскольку социальный авторитет подобных типично буржуазных слоёв общества был практически вне сомнения. Именно этот буржуазный класс становится в революционной гражданской войне коммунизма подлинным врагом. Тот, кто использует таких уважаемых людей в качестве заложников, работает, судя по ситуации, на коммунистическую сторону. Для коммуниста подобного рода взятия заложников могут быть настолько целесообразны, что он их, если нужно, провоцирует – или для уничтожения определённого буржуазного слоя общества, или для привлечения его на коммунистическую сторону. В уже названной книге о партизанах эта новая действительность хорошо познана. В партизанской войне, говорится там, действительное взятие заложников возможно только по отношению к самим партизанам или к их ближайшим соратникам. Иначе будут создавать только новых партизан. Наоборот, для партизан каждый солдат регулярной армии, каждый носитель униформы является заложником. «Каждый человек в униформе, - говорит Рольф Шроерс, - должен чувствовать угрозу, и тем самым под угрозой должно быть всё, что униформа представляет как девиз».

Нужно лишь до конца продумать эту логику террора и анти-террора и потом перенести её на любой вид гражданской войны, чтобы увидеть разрушение социальных структур, которое сегодня в действии. Достаточно небольшого числа террористов, чтобы оказывать давление на большие массы людей. К узкому пространству открытого террора прибавляются дальнейшие пространства ненадёжности, страха и всеобщего недоверия, «ландшафт измены», которое представила Margret Boveri в ряде из четырёх захватывающих книг. Все народы европейского континента – с парой маленьких исключений – испытали это на собственной шкуре в течение двух мировых войн и двух послевоенных эпох как новую действительность.

Всемирно-политический контекст.

Точно так же наш третий аспект, переплетение во всемирно-политических фронтах и контекстах, давно овладел всеобщим сознанием. Автохтонные защитники родной почвы, которые умирали *pro aris et focis*, национальные и патриотические герои, уходившие в лес, всё, что было реакцией стихийной, теллурической силы против чужого вторжения, между тем попало под интернациональное и наднациональное центральное управление, которое помогает и поддерживает, но только в интересах совершенно иного рода всемирно-агрессивных целей, и которое, согласно с обстоятельствами, защищает или бросает на произвол судьбы. Тогда партизан утрачивает свой существенно оборонительный характер. Он становится манипулируемым орудием всемирно-революционной агрессивности. Он просто приносится в жертву и обманом лишается всего того, за что он поднимался на борьбу и в чём

был укоренён теллурический характер, легитимность его партизанской нерегулярности.

Каким-то образом партизан как нерегулярный боец всегда зависим от помощи регулярного могущества. Этот аспект дела всегда наличествует и также осознаётся. Испанский Guerrillero обретал свою легитимность в своей обороне и в своём согласии с королевской властью и с нацией; он защищал родную почву от чужого завоевателя. Но Веллингтон также относится к испанской герилье, и борьба против Наполеона велась при помощи Англии. Полный ярости, Наполеон часто вспоминал о том, что Англия была настоящим подстрекателем и собственно тем, кто извлекал пользу из испанской партизанской войны. Сегодня связь осознаётся ещё более отчётливо, поскольку непрерывное усиление технических боевых средств делает партизана зависимым от постоянной помощи союзника, который обладает технически-индустриальными ресурсами, чтобы развивать и обеспечивать партизана новейшим оружием и новейшими машинами.

Если многие заинтересованные третьи лица конкурируют друг с другом, партизан обладает свободным пространством для собственной политики. Таково было положение Тито в последние годы мировой войны. В партизанских битвах, которые разыгрывались во Вьетнаме и Лаосе, ситуация осложняется тем, что внутри самого коммунизма стало актуальным противоречие русской и китайской политики. При поддержке Пекина можно было забросить больше партизан через Лаос в Северный Вьетнам; это было бы более сильной помощью вьетнамскому коммунизму, чем поддержка Москвы. Вождь освободительной войны против Франции, Хо Ши Мин, был сторонником Москвы. Более сильная помощь решит исход дела, будь-то выбор между Москвой и Пекином или другие альтернативы в создавшемся положении.

Для подобных интенсивно-политических связей выше цитированная книга о партизане Рольфа Шроерса находит меткую формулу; там говорится о заинтересованном третьем лице. Это удачное выражение. Ибо это заинтересованное третье лицо здесь не какая-то банальная фигура, как третий смеющийся из поговорки. Оно скорее существенно относится к ситуации партизана и поэтому и к теории партизана. Могущественный третий поставляет не только оружие и боеприпасы, деньги, материальную помощь и всякого рода медикаменты, он создаёт и род политического признания, в котором нуждается нерегулярно борющийся партизан, чтобы не опуститься, как разбойник и как пират, в Неполитическое, это значит здесь: в криминальное. С расчётом на далёкое будущее нерегулярное должно получить легитимность в регулярном; а для этого у нерегулярного есть только две возможности: признание наличествующего регулярного, или осуществление новой регулярности собственными силами. Это жестокая альтернатива.

В той мере, в какой партизан моторизируется, он теряет свою почву и растёт его зависимость от технически-индустриальных средств, в которых он нуждается для своей борьбы. Тем самым растёт также власть заинтересованного третьего, так что она в конце концов достигает планетарного масштаба. Все аспекты, в которых мы до сих пор рассматривали сегодняшнее партизанство, кажется тем самым растворяются во всё покоряющем техническом аспекте.

Технический аспект.

И партизан не остаётся в стороне от развития, прогресса, от современной техники и свойственной ей науке. Старый партизан, в руки которому прусский эдикт о ландштурме 1813 года хотел вложить вилы для сена, сегодня кажется смешным. Современный партизан сражается при помощи автоматов, ручных гранат, пластиковых бомб, и, вероятно, скоро с помощью тактического атомного оружия. Он моторизован и связан с информационной сетью, оснащён тайными радиопередатчиками и радарам. Он снабжается самолётами оружием и продовольствием. Но его, как сегодня, в 1962 году, во Вьетнаме, подавляют вертолётами и блокируют. Как он сам, так и его враги не отстают от стремительного развития современной техники и свойственного ей вида науки.

Один английский специалист в области военно-морских сил назвал пиратство «донаучной стадией» войны на море. В этом же духе он должен был бы определить партизана как донаучную стадию ведения войны на суше, и объявить это единственно научной дефиницией. Но и это его определение сразу опять научно устаревает, ибо различие между войной на море и войной на суше само попадает в вихрь технического прогресса и сегодня представляется техникам уже как нечто донаучное, то есть исчерпанное. Мертвецы скачут быстро, а если они моторизованы, то движутся ещё быстрее. Партизан, чьего теллурического характера мы придерживаемся, в любом случае становится скандалом для каждого преследующего рациональные цели и ценностно-рационально мыслящего человека. Партизан провоцирует прямо-таки технократический аффект. Парадоксальность его существования раскрывает несоответствие: индустриально-техническое приращение вооружению современной регулярной армии вида совершенства и доиндустриальная аграрная примитивность успешно борющихся партизан. Это уже вызывало припадки бешенства у Наполеона в связи с испанским *Guerillero* и должно было ещё соответственно усилиться с поступательным развитием индустриальной техники.

Пока партизан был только «лёгким отрядом», тактически особенно мобильным гусаром или стрелком, его теория была делом военно-научной специальности. Только революционная война сделала его ключевой фигурой мировой истории. Но что получится из него в эпоху атомных средств уничтожения? В технически насквозь организованном мире исчезают старые, феодально-аграрные формы и представления о борьбе, о войне и о вражде. Это очевидно. Исчезают ли поэтому вообще и борьба, война и вражда и умяются ли они до социальных конфликтов? Когда без остатка осуществлена внутренняя, по оптимистическому мнению имманентная рациональность и регулярность технически насквозь организованного мира, тогда партизан, быть может, уже не является нарушителем спокойствия. Тогда он просто исчезает сам собою в бесперебойном выполнении технически-функциональных процессов, не иначе, чем исчезает собака с автострады. Для технически настроенной фантазии он тогда едва ли ещё является полицейски-транспортной проблемой, и впрочем не является ни философской, ни моральной или юридической проблемой.

Это был бы один, а именно технико-оптимистический аспект чисто технического рассмотрения. Он ожидает Нового Мира с Новым Человеком. С подобными ожиданиями, как известно, выступило уже раннее христианство, а два тысячелетия позже, в 19 веке, социализм выступил как Новое христианство. У обоих явлений отсутствовало всё уничтожающее efficiency современных технических средств. Но из чистой техники проистекает, как всегда у таких чисто технических рефлексий, не теория партизана, а только оптимистический или пессимистический ряд плюровалентных полаганий ценности или отсутствия ценности. Ценность, как метко говорит Эрнст Форстхоф, имеет «свою собственную логику». Это именно логика отсутствия ценности и уничтожения носителя этого отсутствия ценности.

Что касается прогнозов широко распространённого техницистского оптимизма, то он не лезет в карман за словом, то есть за ему очевидным полаганием ценности и отсутствия ценности. Он верит в то, что неудержимое, индустриально-техническое развитие человечества само собою переведёт на полностью новый уровень все проблемы, все прежние вопросы и ответы, все прежние типы и ситуации. На этом уровне старые вопросы, типы и ситуации будут практически столь же неважны, как вопросы, типы и ситуации каменного века после перехода к более высокой культуре. Тогда партизаны вымрут, как вымерли охотники каменного века, если им не удастся выжить и ассимилироваться. В любом случае они стали безвредными и неважными.

Но как удастся человеческому типу, который прежде поставлял партизана, приспособиться к технико-индустриальному окружающему миру, воспользоваться новыми средствами и развить новый, приспособленный вид партизан, скажем индустриальных партизан? Есть ли гарантия того, что современные средства уничтожения всегда будут попадать в верные руки и что нерегулярная борьба будет невообразимой? В противоположность тому оптимизму прогресса у пессимизма прогресса и у его технических фантазий остаётся большее, чем сегодня обычно думают, поле возможностей. В тени сегодняшнего атомного равновесия мировых держав, под стеклянным колпаком, так сказать, их громадных средств уничтожения, могло бы выделиться свободное пространство ограниченной и оберегаемой войны, с обычным оружием и даже со средствами уничтожения, о дозировании которых мировые державы могли бы открыто или тайно договориться. Это бы могло дать в итоге войну, контролируемую одной из этих мировых держав и было бы чем-то подобным dogfight. Это было бы по-видимости невинной игрой точно контролируемой нерегулярности и «идеального беспорядка», идеального в той мере, в какой им могли бы манипулировать мировые державы.

Наряду с этим существует, однако, и радикально-пессимистическое tabula-rasa-решение технической фантазии. В обработанной современными средствами уничтожения области конечно всё будет убито, друг и враг, регулярный солдат и нерегулярное население. Тем не менее, технически можно помыслить, что некоторые люди переживут ночь бомб и ракет. Перед лицом этой возможности было бы практически и даже рационально целесообразно, вместе запланировать ситуацию после бомбёжек и уже сегодня подготовить людей, которые в бомбами разорённой зоне сразу же займут воронки от бомб и оккупируют

разрушенную область. Тогда новый вид партизана мог бы добавить к мировой истории новую главу с новым видом взятия пространства.

Так наша проблема расширяется до планетарных размеров. Она даже вырастает до надпланетарного. Технический прогресс делает возможным полёт в пространства космоса, и тем самым попутно открываются неизмеримые, новые вызовы для политических завоеваний. Ибо новые пространства могут и должны быть взяты людьми. За взятиями суши и моря старого стиля, как их знает прежняя история человечества, последуют взятия пространства нового стиля. Однако за взятием следуют деление и использование. В этом отношении, несмотря на весь прочий прогресс, всё остаётся по-старому. Технический прогресс вызовет лишь новую интенсивность нового взятия, деления и использования и только ещё усилит старые вопросы.

При сегодняшнем противоречии Востока и Запада, и особенно в гигантском состязании за неизмеримо большие новые пространства, прежде всего речь идет о политической власти на нашей планете, как бы мала она между тем не показалась. Только тот, кто владеет ставшей будто бы такой крошечной Землёй, будет брать и использовать новые пространства. Вследствие этого и эти неизмеримые области являются ничем иным как потенциальными пространствами борьбы, а именно борьбы за господство на этой Земле. Знаменитые астронавты или космонавты, которые до сих пор были назначаемы только пропагандистскими звёздными величинами масс-медиа, прессы, радио и телевидения, тогда будут иметь шанс превратиться в космопиратов и, быть может, даже и в космопартизан.

Легальность и легитимность.

В развитии партизанства нам встретила фигура генерала Салана как показательное, симптоматическое явление последней стадии. В этой фигуре встречаются и пересекаются опыты и воздействия войны регулярных армий, колониальной войны, гражданской войны и партизанской борьбы. Салан до конца продумал все эти опыты, следуя неизбежной логике старого тезиса, что партизана можно победить только партизанским образом. Это он последовательно делал, не только с мужеством солдата, но и с точностью офицера генерального штаба и пунктуальностью технократа. Результатом было то, что он сам превратился в партизана и, в конце концов, провозгласил гражданскую войну своим собственным верховным главнокомандующим и своим правительством.

Что является внутренним средоточием такой судьбы? Главный защитник Салана, Maitre Tixier-Vignancourt, в своей большой заключительной речи перед судом от 23 мая 1962 года нашёл формулировку, в которой содержится ответ на наш вопрос. Он замечает о деятельности Салана как шефа OAS: я должен констатировать, что старый воинствующий коммунист, если бы он вместо главного военного шефа стоял во главе организации, предпринял бы иные действия, чем генерал Салан (S. 530 отчёта о процессе). Тем самым угадан решающий пункт: профессиональный революционер делал бы это иначе. Он занимал бы

иную позицию, чем Салан не только применительно к заинтересованному третьему лицу.

Развитие теории партизана от Клаузевица через Ленина к Мао двигалось вперёд путём диалектики регулярного и нерегулярного, кадрового офицера и профессионального революционера. Посредством доктрины психологической войны, которую французские офицеры – участники войны в Индокитае – переняли от Мао, развитие не возвращалось в роде *ricorso* к началу и к истокам. Здесь нет никакого возврата к началу. Партизан может надеть униформу и превратиться в хорошего регулярного бойца, даже в особенно храброго регулярного бойца, быть может, подобно тому, как о браконьере говорят, что он представляет собой особенно умелого лесного сторожа. Но всё это помыслено абстрактно. Переработка учения Мао теми французскими кадровыми офицерами на деле содержит в себе нечто абстрактное и, как это однажды было сказано в ходе процесса над Саланом, имеет нечто от *esprit geometrique*.

Партизан способен легко превратиться в хорошего носителя униформы; напротив, для хорошего кадрового офицера униформа – это нечто большее, чем костюм. Регулярное может стать институциональной профессией, нерегулярное не может. Кадровый офицер способен превратиться в великого основателя ордена, как святой Игнатий Лойола. Превращение в до- или субтрадиционное означает нечто иное. В темноте можно исчезнуть, но превратить темноту в район боевых действий, исходя из которого прежняя арена империи разрушается и вынимается из сети большая сцена официальной публичности, – этого не организуешь с технократической интеллигенцией. Ахеронт невозможно просчитать заранее и он следует не каждому заклинанию, пусть оно исходит от такой умной головы и пусть она находится в такой отчаянной ситуации.

В нашу задачу не входит высчитывать, что вычисляли интеллигентные и опытные военные времён путча в Алжире апреля 1961 года и организаторы OAS со ссылкой на некоторые для них весьма естественные конкретные вопросы, особенно относительно действия террористических актов против цивилизованного европейского населения или относительно выше упоминавшегося заинтересованного третьего. Уже этот последний вопрос достаточно многозначителен как вопрос. Мы напомнили о том, что партизан нуждается в легитимации, если он хочет держаться в сфере политического и не хочет упасть в сферу криминального. Вопрос не исчерпывается некоторыми ставшими сегодня обычными дешёвыми и несерьёзными антитезами легальности и легитимности. Ибо легальность оказывается именно в этом случае самой сильной законностью – тем, чем она первоначально собственно была для республиканца, а именно рациональной, прогрессивной, единственно современной, одним словом: высшей формой самой легитимности.

Я не хотел бы повторять то, что я уже больше тридцати лет назад сказал на эту всё ещё актуальную тему. Ссылка на это принадлежит к познанию ситуации республиканского генерала Салана в 1958/61 годах. Французская республика это режим господства закона; это её фундамент, когда её невозможно разрушить противопоставлением права и закона и отличием права как более высокой инстанции. Как юстиция, так и армия стоят выше закона. Имеется республиканская легальность, и именно это

является в республике единственной формой легитимности. Всё остальное является для настоящего республиканца враждебным республике софизмом. Представитель общественного обвинения на процессе Салана соответственно этому имел простую и ясную позицию; он всё снова и снова ссылаясь на «суверенитет закона», который остаётся превосходящим любую другую мыслимую инстанцию или норму. По сравнению с этим суверенитетом закона не существует суверенитета права. Он превращает нерегулярность партизана в смертельную нелегальность.

Салан вопреки этому не имел другого аргумента, чем указание на то, что и он сам 15 мая 1958 года способствовал генералу de Gaulle в достижении власти [и в борьбе] против тогдашнего легального правительства, что он тогда был обязан перед своей совестью, своим Pairs, своим отечеством и перед Богом и теперь, в 1962 году, видит себя обманутым во всём том, что в мае 1958 года было провозглашено и обещано как святое (отчёт о процессе, S. 85). Он ссылаясь на нацию в противоположность государству, на более высокий вид легитимности в противоположность легальности. И генерал de Gaulle раньше часто говорил о традиционной и национальной легитимности и противопоставлял их республиканской легальности. Это изменилось с наступлением мая 1958 года. И тот факт, что его собственная легальность стала несомненной только со времени референдума сентября 1958 года, ничего не изменила в том, что он самое позднее с того сентября 1958 года имел на своей стороне республиканскую легальность и Салан видел себя вынужденным, занимать сомнительную для солдата позицию, ссылаться вопреки регулярности на нерегулярность и превращать регулярную армию в партизанскую организацию.

Однако нерегулярность сама по себе ничего не конституирует. Она становится просто нелегальностью. Впрочем сегодня бесспорен кризис закона и тем самым кризис легальности. Классическое понятие закона, одно сохранение которого способно держать республиканскую легальность, ставится под вопрос планом и мероприятием. В Германии ссылка на право в противоположность закону и у самих юристов стала само собой разумеющимся делом, которое едва ли ещё обращает на себя внимание. И неюристы сегодня говорят всегда просто легитимно (а не легально), если они хотят сказать, что они правы. Однако случай Салана показывает, что в современном государстве даже сама подвергнутая сомнению легальность сильнее чем любой иной вид права. Это объясняется децизионистской силой государства и его превращением права в закон. Здесь нам нет нужды углубляться в этот вопрос. Быть может всё это совершенно изменится, когда государство однажды «отомрёт». Пока что легальность является неотразимым функциональным модусом каждой современной, государственной армии. Легальное правительство решает, кто является врагом, против которого должна бороться армия. Тот, кто берётся определять то, кто враг, притязает на собственную, новую легальность, если он не желает присоединяться к определению врага прежним легальным правлением.

Настоящий враг.

Объявление войны всегда есть объявление врага; это само собой разумеется; а при объявлении гражданской войны это тем более подразумевается. Когда Салан объявил гражданскую войну, он в действительности провозглашал двух врагов: в отношении алжирского фронта продолжение регулярной и нерегулярной войны; в отношении французского правительства начало нелегальной и нерегулярной гражданской войны. Ничто иное не проясняет безвыходность ситуации Салана так отчётливо, как рассмотрение этого двойного объявления врага. Каждая война на два фронта вызывает вопрос, кто же на деле является настоящим врагом. Не знак ли это внутреннего раздвоения – иметь больше одного единственного настоящего врага? Враг – это наш собственный вопрос как гештальт. Если собственный гештальт однозначно определён, откуда тогда берётся удвоение врага? Враг – это не нечто такое, что по какой-либо причине должно быть устранено и из-за своей малоценности уничтожено. Враг находится в моей собственной сфере. По этой причине я должен столкнуться с ним в борьбе для того, чтобы обрести собственную меру, собственные границы, собственный образ и облик.

Салан считал алжирского партизана абсолютным врагом. Внезапно в его тылу возник гораздо более скверный для него, более интенсивный враг – собственное правительство, собственный начальник, собственный брат. В своих вчерашних собратях он внезапно увидел нового врага. Это суть случая Салана. Вчерашний брат раскрылся как более опасный враг. В самом понятии врага должна заключаться путаница, которая тесно связана с учением о войне и прояснением которой мы займёмся теперь, в конце нашего изложения.

Историк найдёт для всех исторических ситуаций примеры и параллели в мировой истории. Мы уже обозначили параллели с процессами 1812/13 годов прусской истории. Мы также показали, как в идеях и планах прусской реформы армии 1808/13 годов партизан обрёл свою философскую легитимацию, а в прусском эдикте о ландштурме апреля 1813 года – свой исторический аккредитив. Так что теперь не должно показаться странным, как было бы на первый взгляд, если мы для лучшей разработки главного вопроса привлечём в качестве примера ситуацию прусского генерала Йорка зимы 1812-1813 годов. Вначале в глаза конечно бросаются громадные противоположности: Салан, француз левореспубликанского происхождения и современно-технократической чеканки, против генерала императорской прусской армии 1812 года, который определённо не мог прийти к мысли объявить своему императору и высшему военачальнику гражданскую войну. Перед лицом таких различий эпох и типов представляется второстепенным и даже случайным, что и Йорк воевал офицером в колониях Ост-Индии. Впрочем, именно бросающиеся в глаза противоположности тем более отчётливо проясняют то, что главный вопрос тот же самый. Ибо в обоих случаях речь шла о том, чтобы решить, кто был настоящий враг.

Децизионистская точность господствует в функционировании каждой современной организации, в особенности в функционировании каждой современной, регулярной государственной армии. При этом главный вопрос для ситуации сегодняшнего генерала весьма точно

предстаёт как абсолютное *или-или*. Резкая альтернатива легальности и легитимности – это лишь следствие французской революции и её столкновения с реставрацией легитимной монархии 1815 года. В такой дореволюционной легитимной монархии, как тогдашняя королевская Пруссия многие феодальные элементы сохраняли связь начальства и подчинения. Верность ещё не стала чем-то «иррациональным» и ещё не растворилась в простом, исчислимом функционализме. Пруссия уже тогда была чётко выраженным государством; её армия не могла отречься от фридрицианского происхождения; прусские реформаторы армии хотели модернизировать, а не возвращаться к каким-либо формам феодализма. Тем не менее обстановка и среда легитимной прусской монархии того времени может показаться сегодняшнему наблюдателю и в конфликтном случае менее острой и резкой, менее децизионистско-государственной. Об этом сейчас не требуется спорить. Дело заключается только в том, что впечатления различных одеяний эпох не стирают главный вопрос, именно вопрос о настоящем враге.

Йорк в 1812 году командовал прусским вспомогательным корпусом, который как союзный Наполеону отряд принадлежал к армии французского генерала Макдональда. В декабре 1812 года Йорк перешёл на сторону врага, на сторону русских, и заключил с русским генералом фон Дибичем известную Таурогенскую конвенцию. Во время переговоров и при заключении конвенции с русской стороны в качестве посредника принимал участие подполковник фон Клаузевиц. Письмо, которое Йорк 3 января 1813 года направил своему королю и верховному главнокомандующему, стало знаменитым историческим документом. Это справедливо. Прусский генерал с большим почтением пишет, что он ожидает от короля суждения о том, может ли он, Йорк, сражаться «против настоящего врага», или же король осуждает поступок своего генерала. Он преданно ожидает ответа, готовый, в случае порицания, «ждать пули на поле битвы».

Слова о «настоящем враге» достойны Клаузевица и схватывают суть. То, что генерал готов «ждать пули на поле битвы», относится к солдату, который отвечает за свой поступок, не иначе чем генерал Салан был готов крикнуть *Vive la France!* в окопах Vincennes перед расстрелом. Однако то, что Йорк, при всём почтении к королю, оставляет за собой право решать, кто является «настоящим врагом», – придаёт его словам подлинный, трагический и бунтарский смысл. Йорк не был партизаном и, пожалуй, никогда бы им не стал. Но в горизонте смысла и понятия настоящего врага шаг в партизанство не был бы ни абсурдным, ни непоследовательным.

Конечно это только эвристическая фикция, допустимая на краткое мгновение, когда прусские офицеры возвысили партизана до идеи, то есть только на это поворотное время, которое привело к эдикту о ландштурме 13 апреля 1813 года. Уже спустя несколько месяцев мысль, что прусский генерал мог бы стать партизаном, стала бы даже как эвристическая фикция гротескна и абсурдна и оставалась бы такою навсегда, покуда существовала прусская армия. Как было возможно то, что партизан, который в 17 веке опустился до *Picaro* (плута) и в 18 веке принадлежал лёгкому, подвижному отряду, в канун 1813 года на краткое мгновение

предстал героической фигурой, чтобы затем в наше время, более ста лет спустя, стать даже ключевой фигурой в международных событиях?

Ответ на этот вопрос явствует из того, что нерегулярность партизана остаётся зависимой от смысла и содержания конкретно регулярного. После разложения и распада в Германии 17 века, в 18 веке развилась регулярность войн по династическим причинам. Эта регулярность придала войне настолько сильные оберегания, что война могла рассматриваться как игра, в которой нерегулярно участвовал лёгкий, подвижный отряд и враг как просто конвенциональный враг стал партнёром в военной игре. Испанская герилья началась, когда Наполеон осенью 1808 года разгромил регулярную испанскую армию. Здесь имелось различие с Пруссией 1806-1807 годов, которая после поражения своей регулярной армии тотчас же заключила униженный мир. Испанский партизан снова восстановил серьёзность войны, а именно в противоположность Наполеону, соответственно на стороне обороны старых европейских континентальных государств, чья старая, ставшая конвенцией и игрой регулярность показала себя не на высоте новой, революционно заряженной, наполеоновской регулярности. Враг тем самым вновь стал настоящим врагом, война – снова настоящей войной. Партизан, защищающий национальную почву от чужого завоевателя, стал героем, который по-настоящему боролся против настоящего врага. Это был в самом деле важный процесс, который привёл Клаузевица к его теории и к учению о войне. Когда потом сто лет спустя теория войны такого профессионального революционера, как Ленин слепо разрушила все унаследованные оберегания войны, война стала абсолютной войной и партизан стал носителем абсолютной вражды против абсолютного врага.

От настоящего врага к врагу абсолютному.

В теории войны всё время идёт речь о различении вражды, которая даёт войне её смысл и её характер. Каждая попытка оберегания или ограничения войны должна быть исполнена сознания, что – в отношении к понятию войны – вражда является первичным понятием, и что различению разных видов войны предшествует различение разных видов вражды. Иначе все старания оберегания или ограничения войны – это лишь игра, которая оказывается несостоятельной перед взрывами настоящей вражды. После наполеоновских войн нерегулярная война была вытеснена из всеобщего сознания европейских теологов, философов и юристов. Действительно имелись сторонники мира, которые усматривали в отмене и ликвидации конвенциональной войны Гаагского устава сухопутной войны конец войны вообще; и имелись юристы, которые каждое учение о справедливой войне считали чем-то *eo ipso* справедливым, поскольку уже святой Фома Аквинский учил о чём-то подобном. Никто не подозревал, что означало раскрепощение, высвобождение нерегулярной войны. Никто не думал, какие следствия будет иметь победа гражданских над солдатом, когда однажды гражданин наденет униформу, в то время как партизан её снимет, чтобы продолжать борьбу без униформы.

Только этот дефицит конкретного мышления завершил разрушительную работу профессиональных революционеров. Это было большим несчастьем, ибо с теми обереганиями войны европейскому

человечеству удалось достичь чего-то редкого: отказа от криминализации противника в войне, итак релятивизации вражды, отрицания абсолютной вражды. Это в самом деле нечто редкое, даже невероятно гуманное – привести людей к тому, что они отказываются от дискриминации и диффамации своих врагов.

Именно это, как представляется, снова поставлено под вопрос партизаном. К его критериям принадлежит крайняя интенсивность политической ангажированности. Когда Че Гевара говорит: «Партизан – это иезуит войны», то он имеет в виду безусловность политического применения. Биография каждого знаменитого партизана, начиная с Empecinado, подтверждает это. Во вражде незаконно сделанное ищет своё право. В ней оно находит смысл дела и смысл права, когда рушится скорлупа защиты и повиновения, где оно до сих пор обитало, или разрывает ткань норм легальности, от которой оно до сих пор могло ожидать права и правовой защиты. Тогда прекращается конвенциональная, традиционная игра. Но это прекращение правовой защиты не обязательно является партизанством. Михаэль Колхас (Michael Kohlhaas), которого чувство права сделало разбойником и убийцей, не был партизаном, поскольку он не стал политически ангажированным и боролся исключительно за своё собственное нарушенное частное право, не против чужого завоевателя и не за революционное дело. В таких случаях нерегулярность является неполитической и становится чисто криминальной, так как теряет позитивную связь с где-нибудь имеющейся регулярностью. Этим партизан отличается от – благородного или неблагородного – предводителя разбойников.

При разборе всемирно-политического контекста (см. выше) мы подчёркивали, что заинтересованный третий берёт на себя существенную функцию, когда он вступает в отношение к регулярному, которое необходимо нерегулярности партизана для того, чтобы оставаться в области политического. Ядро, сущность Политического – это не просто вражда, но различение друга и врага, Политическое предполагает обоих, друга и врага. Заинтересованный в партизане могущественный третий может эгоистически думать и действовать; со своим интересом политически он находится на стороне партизана. Это имеет следствием политическую дружбу и является видом политического признания, даже если дело не доходит до гласных и официальных признаний как воюющей партии или как правительства. Empecinado был признан своим народом, регулярной армией и великой английской державой как политическая величина. Он не был Михаэлем Колхасом и не был Шиндерханнесом (прозвище главаря разбойников, умершего в 1808 году), чьим заинтересованным третьим были покровители преступников. Напротив, политическая ситуация Салана была окрашена полным отчаяния трагизмом, ибо он внутривполитически, на своей родине, стал нелегальным, а снаружи, в мировой политике, не только не нашёл никакого заинтересованного третьего, но, напротив, натолкнулся на твёрдый вражеский фронт антиколониализма.

Итак, враг партизана – настоящий враг, но не абсолютный враг. Это следует из политического характера партизана. Другая граница вражды явствует из теллурического характера партизана. Он защищает участок земли, с которым он автохтонно связан. Его основная позиция остаётся

оборонительной, несмотря на усилившуюся подвижность его тактики. Он ведёт себя точно так же, как святая Иоанна Орлеанская перед церковным судом. Она не была партизанкой и регулярным образом боролась против англичан. Когда церковный судья задал ей вопрос – теологический вопрос-ловушку – не будет ли она утверждать, что Бог ненавидит англичан, она ответила: «О том, любит ли Бог англичан или же ненавидит их, я не знаю; я знаю только, что они должны быть изгнаны из Франции». Такой ответ дал бы каждый нормальный партизан – защитник национальной почвы. С таким оборонительным характером дано и принципиальное ограничение вражды. Настоящий враг не объявляется абсолютным врагом, и не провозглашается последним врагом человечества вообще.

Ленин перенёс понятийный центр тяжести с войны на политику, то есть на различие друга и врага. Это было рационально и после Клаузевица являлось последовательным продолжением мысли о войне как продолжении политики. Только Ленин как профессиональный революционер, охваченный идеей всемирной гражданской войны, пошёл дальше и сделал из настоящего врага абсолютного врага. Клаузевиц говорил об абсолютной войне, но всё ещё предполагал как условие регулярность наличной государственности. Он вообще ещё не мог представить себе государство как инструмент партии и партию, которая приказывает государству. С абсолютным полаганием партии и партизан стал абсолютным и возвысился до носителя абсолютной вражды. Сегодня нетрудно увидеть идейный искусный приём, вызвавший это изменение понятия врага. Напротив сегодня гораздо сложнее оспорить иной вид абсолютного полагания врага, поскольку этот вид полагания представляется имманентным наличной действительности атомной эпохи.

Ибо технически - индустриальное развитие усилило вооружения людей до чистых средств уничтожения. Тем самым создаётся вызывающая несоразмерность защиты и повиновения: одна половина человечества становится заложником для другой половины повелителей, вооружённых атомными средствами уничтожения. Такие абсолютные средства уничтожения требуют абсолютного врага, если они не должны быть абсолютно нечеловеческими. Ведь уничтожают не средства уничтожения сами по себе, но люди уничтожают этими средствами других людей. Английский философ Томас Гоббс схватил суть процесса уже в 17 веке (*de homine* 1X, 3) и сформулировал её со всей точностью, хотя тогда (1659) вооружения были ещё сравнительно безобидными. Гоббс говорит: человек так же гораздо более опасен для других людей, которые, как ему кажется, ему угрожают, чем любое животное, как вооружения человека опаснее, чем так называемые естественные орудия зверя, к примеру: зубы, лапы, рога или яд. А немецкий философ Гегель добавляет: оружие есть сущность самого борца.

Конкретно говоря, это значит: супраконвенциональное оружие предполагает супраконвенционального человека. Оно не только предполагает его как постулат далёкого будущего; оно скорее допускает его как уже наличную действительность. Итак, последняя опасность заключается не в наличии средств уничтожения и не в дорациональном зле человека. Она состоит в неизбежности морального принуждения,

насилия. Люди, применяющие те средства против других людей, принуждены и морально уничтожать этих других людей, то есть своих жертв и свои объекты. Они должны объявить противную сторону в целом преступной и нечеловеческой, тотальной малоценностью. Иначе они сами являются преступниками и чудовищами, нелюдьми. Логика ценности и малоценности развёртывает всю свою уничтожающую последовательность и вынуждает всё новые, всё более глубокие дискриминации, криминализации и обесценения вплоть до уничтожения всякой не имеющей ценности жизни.

В мире, в котором партнёры таким образом взаимно врываются в бездну тотального обесценения, перед тем как они физически уничтожат друг друга, должны возникнуть новые виды абсолютной вражды. Вражда станет настолько страшной, что, вероятно, нельзя будет больше говорить о враге или вражде и обе эти вещи даже с соблюдением всех правил прежде будут запрещены и прокляты до того как сможет начаться дело уничтожения. Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и совершенно абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно никакая цена не является слишком высокой. Лишь отрицание настоящей вражды открывает свободный путь для дела уничтожения абсолютной вражды.

В 1914 году народы и правительства Европы без абсолютной вражды нетвёрдо стоя на ногах, с закружившейся головой вступили в Первую мировую войну. Настоящая вражда возникла только из самой войны, которая началась как традиционная война государств европейского международного права и окончилась всемирной гражданской войной революционной классовой вражды. Кто предотвратит то, что аналогичным, но ещё бесконечно усилившимся образом неожиданно возникнут новые виды вражды, чьё осуществление вызовет неожиданные формы проявления нового партизанства?

Теоретик не может делать больше того, чтобы хранить понятия и называть вещи своими именами. Теория партизана выливается в понятие политического, в вопрос о настоящем враге и о новом номосе Земли.

Перевод с немецкого Ю.Ю. Коринца